

vk.com/Skp_tr

Дневник Делайлы

2 сексуальная жизнь

Джасинда Уайлдер

**Данная книга предназначена только для предварительного
ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска
после прочтения. Спасибо.**

Оригинальное название: *Delilah's Diary: La Vita Sexy*

Книга: *Сексуальная жизнь*

Автор: *Джасинда Уайлдер*

Серия: *Дневник Делайлы*

Количество глав: 6 глав

Переводчик: *Дарья Виноградова, Юля Бессонова,*

Валерия Бережная

Сверка: *Танечка Андреева*

Редактор: *Катька Скворцова*

Вычитка: *Юлия Большакова*

Обложка: *Анастасия Малышкина*

Оформление: *Юлия Большакова*

Переведено для группы: https://vk.com/skp_tr

Это эротическая новелла, предназначенная только для аудитории старше +18! Содержит супер сексуальные горячие сцены между двумя потрясающими героями.

***Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!***

После того, как я застукала своего мужа, кувыркающегося в постели с церковным секретарем, я села в самолет и поклялась себе, что сбегу от всего этого и попытаюсь разобраться в своей жизни.

Но вместо этого я оказалась в руках сексуального итальянца Луки, торговца вином, который перевернул мой мир с ног на голову. Сейчас я в замешательстве. Я ни на секунду не могу от него оторваться, и это до ужаса меня пугает. Как и пугает то, что он вытворяет с моим телом, моя реакция на подобное, хотя бы потому, что все это так сильно мне нравится.

Так в чем же проблема? Я же должна наслаждаться кругосветным путешествием, находясь в процессе самопознания, однако я никак не могу забыть Италию, забыть Луку. Мое сердце и разум говорят одно, а тело совершенно другое. В одном я точно уверена. Я больше никогда не стану прежней.

ГЛАВА 1

Июнь, 12

Воздух был прохладным, вокруг меня лежала темная ночь, город молчал. Я тащила за собой чемодан, чьи тоненькие колеса постоянно подсакивали на брусчатке, то и дело опрокидывая его.

Я трусливо убегала. Убегала от Луки, от своих чувств и страхов, и от себя. Но, в основном, от Луки. Это было для меня слишком, он был слишком сексуальным, слишком удивительным.

Я не представляла, куда шла, или каким был мой план, кроме как просто бежать.

Беги. Беги. Беги.

Каждый шаг отдавался болью в моем сердце, заставляя все больше и больше чувствовать себя трусихой, глупой девчонкой. Но я не могла заставить себя развернуться и пойти к нему. Он спал так сладко, и если я вернусь, он услышит и проснется, а потом захочет узнать, куда я ходила, но я не представляла, как объяснить, что происходило в моей голове и в моем сердце.

Позади меня послышались шаги, шарканье и скрип. Шепот по-итальянски, мужской смех. Голосов было больше одного. Я попыталась игнорировать происходящее, ускорив шаг. Я даже не знала названия улицы, на которой находилась, не знала, ходят ли автобусы в такой поздний час, или ранний час, смотря, чем можно было считать три часа утра.

Смех и шаги раздавались все ближе, и мне очень хотелось повернуться и посмотреть, кто шел за мной. Но я не стала этого делать, я продолжила идти. Я шла, не обращая внимания на смех, не обращая внимания на шаги, которые теперь были уже совсем близко.

Вот дерьмо! Это было так глупо. Мне нужно было остаться. Я должна была сказать Луке, что не хочу ехать домой с ним. Он бы понял. Я могла бы отправиться с ним во Флоренцию, остановиться где-то одна и проводить время с ним, находясь в менее пугающей ситуации.

— Эй, красавица! Куда идешь?

По моему чемодану ударили ногой, и мне пришлось остановиться, чтобы поправить его.

Их было трое: молодые мужчины с темными волосами, обросшие, прыщавые, в узких джинсах, со злобными ухмылками на лицах. Один из них пнул мой чемодан снова, в этот раз выбивая его из моих рук. Я оставила его лежать и продолжила стоять перед ними. Тот, кто пинал мой чемодан, отделился от своих друзей и опустился на корточки около него. Он открыл чемодан, вытащил вещи и раскидал их по земле. Потом выдернул из кучи мои стринги, поднял их и понюхал.

— На тебе такие же?

Он облизнул губы, в то время как мои трусы висели у него на пальце.

— Думаю, да. Покажешь мне, а?

Он кинул взгляд на двух своих друзей, и те шагнули вперед, пытаясь окружить меня. Я попятилась назад, стараясь держать всех троих в поле зрения. Тот, что держал мои трусики, ловко поднялся на ноги и зашагал в мою сторону. Его взгляд рыскал по моему телу: на мне были шорты и футболка, и шорты внезапно оказались короче, чем мне казалось.

Трое окружили меня, сужая кольцо. Я почувствовала, как кто-то крепко схватил меня сзади и жестко за руки. Кто-то другой схватил меня за футболку, пытаясь ее стянуть.

Прежде чем успела закричать, я услышала скрип шагов, потом — шелест одежды, а затем Лука сбил с ног того, кто держал мои трусики, безжалостно ударив его кулаком по лицу. Я была освобождена, и отползла назад, ударяясь о стену. Лука уклонялся от ударов,

отвечая на них своими, все происходило в абсолютной тишине, нарушаемой лишь звуками того, как кулаки вонзались в плоть.

В конце концов, отморозки бежали, а Лука поднес запястье к носу, из которого хлестала кровь. Он повернулся ко мне, в его глазах читались недоумение, боль и ярость.

— О чем ты, черт возьми, думала?

Тяжело шагая, он направился ко мне, его пальцы были сжаты в кулаки, плечи напряжены, а походка была агрессивной.

Инстинктивно я отпрянула, и он тут же смягчился.

— Извини, я не злюсь на тебя, я просто... в замешательстве.

Он остановился от меня на расстоянии вытянутой руки, но не притронулся ко мне.

— Ты в порядке? Они сделали тебе больно? Они тронули тебя?

Я покачала головой.

— Я в порядке. Они ничего мне не сделали. Но... если бы ты не пришел...

Осознание того, что чуть не случилось, настигло меня, меня затрясло, я качнулась и начала падать. Лука поймал меня и опустился на землю, держа меня в своих руках.

— Почему ты ушла? — Его голос был мягким, глаза выдавали волнение и боль.

Я сделала ему больно, когда сбежала. Внутри меня все сжалось, мое сердце пронзила боль сожаления.

— Я... Я не знаю, мне было страшно. Мне жаль, Лука. Это не из-за тебя или... не из-за... — я несла что-то бессвязное.

Я глубоко вдохнула и начала сначала:

— На меня просто все навалилось разом, как-то внезапно.

Лука помог мне встать и собрать мои вещи в чемодан. Взяв его в одну руку, он скорее нес его, чем вез за собой, и протянул другую руку мне. Кровь была размазана по его запястью и капала из носа. Я взяла его за руку. Мы пошагали в сторону отеля в тишине.

Когда мы вернулись в номер, я толкнула Луку в кресло и принесла из ванной полотенце, чтобы приложить к его носу.

— Мне жаль, Лука. Я не должна была убегать, — Я смотрела ему в глаза, пока говорила, заставляя себя столкнуться с тем, что было с ним. — Это было так сильно и пугающе... Я не... Я не... Боже, я несу чушь. Дело не в тебе...

— Ты повторяешь одно и то же, но не говоришь, почему ты ушла, — Лука взял меня за запястье, пока я примерялась к его носу. — Ты боишься чувств, я думаю. Ты видишь, что я что-то чувствую к тебе, и это пугает тебя.

Я кивнула.

— Я не готова к чувствам. Я не знаю, куда идет моя жизнь, что я делаю, кто я. Я просто... все еще пытаюсь это понять.

Кровь перестала идти из его носа, он умылся и вымыл руки. Он сжал кулаки, и я осознала, что он сбил костяшки. Я потянулась, чтобы протереть их тоже, но он отмахнулся.

— Не страшно, не волнуйся. — Он подтолкнул меня к кровати и сел на край рядом со мной. — Ты слишком много думаешь, слишком много переживаешь. Ты на отдыхе, ты должна лишь расслабляться и развлекаться. Не переживай обо мне, или о том, что я чувствую, чего я не чувствую. Если ты не хочешь ехать со мной во Флоренцию, то не нужно. Если ты не хочешь находиться в доме моих родителей, то не нужно. Я пойму любой твой выбор.

Я зевнула и потянулась. Лука толкнул меня на кровать и стянул с меня обувь.

— Тебе нужно поспать, у тебя был сложный день, а теперь еще и сложная ночь. Спи, отдыхай. Я буду здесь, когда ты проснешься, и ты скажешь мне, что собираешься делать. Сейчас — не волнуйся. Ты в безопасности.

На мне все еще были короткие шорты и футболка, и я знала себя достаточно хорошо, чтобы понимать, что я не смогу в этом спать. Я посмотрела на Луку, а потом на свои

шорты. Это было глупо, я уже раздевалась перед ним, и делала с ним... боже... такие невероятные вещи, но мысль о том, что мне придется снять перед ним шорты, снова разбудила во мне все мои страхи. В этот раз простой интимный момент подготовки ко сну заставил мое сердце биться быстрее. Я никогда не спала в одной кровати с мужчиной. Я никогда не готовилась ко сну вместе с мужчиной.

Новая Делайла, новые открытия. Я повторила это еще раз. Новая я, новые альтернативы. Ни шагу назад.

Я глубоко вдохнула и встала, расстегнула шорты и сняла их, стараясь вести себя настолько небрежно, насколько только могла, учитывая свое колотящееся сердце и подкашивающиеся коленки. Лука смотрел на меня, и я чувствовала в его взгляде желание, чувствовала, как оно щекочет мою кожу. Он не пошевелился, чтобы дотронуться до меня, и я была одновременно признательна и расстроена.

Я вытащила руки из рукавов, расстегнула лифчик и сняла его. Когда я просунула руки обратно, Лука хихикнул.

— Я никогда не устану на это смотреть, — сказал он. — Это всегда так весело почему-то. Вы, девчонки, можете переодеться посреди толпы, не оголив при этом ни сантиметра кожи.

Я пожала плечами.

— Это одна из тех вещей, которой учишься, будучи девчонкой.

Я почистила зубы и вернулась в комнату. Лука все еще сидел на кровати, смотрел на меня, ждал. Стоя у кровати, мне снова пришлось собрать всю свою волю в кулак. Это странно, но лечь в кровать, чтобы спать, было не менее нервно, чем раздеваться перед ним, чтобы заняться сексом. Я почувствовала прилив возбуждения, вспоминая, чем мы занимались всего несколько часов назад. И чем я хотела заняться снова. Прямо сейчас.

Некоторая часть меня считала, что я должна быть расстроена из-за того, что почти случилось, но, честно, Лука, который появился и спас меня, только зажег меня. Он появился из ниоткуда, как рыцарь на белом коне. Он пролил за меня кровь. От этой мысли волна жара разошлась по моему телу, концентрируясь внизу живота.

Я хотела его.

Шальная мысль пришла мне в голову. Был ли это роман на одну ночь? Если я пересплю с ним снова, сейчас, или завтра, или еще потом, изменит ли это что-то? Я не была уверена, что мне нравилась мысль о романе на одну ночь. Я приняла решение пробовать новые вещи, оставить позади религиозные устои и табу, с которыми я выросла. Но значило ли это, что я должна была отречься от всех своих принципов? Где я должна провести черту? Я уже спала с Лукой, и я не могла отрицать, что это было очень важно. Я не могла отрицать, насколько мне хотелось сделать это с ним снова и снова.

— Ты крепко задумалась, не правда ли, моя прекрасная Делайла? — Лука встал и обнял меня за талию. — Расскажи мне, если хочешь, о чем ты так усердно думаешь.

Я прижалась лбом к его груди и пробормотала в его рубашку:

— О тебе. Чем мы занимались вместе, и насколько мне это понравилось. О том, как я... как я хотела бы это повторить. — Я посмотрела на него, ловя его взгляд. — Но я так же думаю о том, что все это значит.

Он наклонил голову:

— Что ты имеешь в виду? Я не понимаю. Что это значит? Два взрослых человека могут заниматься этим без какого-либо глубокого смысла, разве не так?

— Ну, это именно то, о чем я говорю. Да, могут. И это постоянно происходит, но... но не со мной. Меня воспитывали по-другому. Мне говорили, что секс должен происходить только после свадьбы, что секс без нее — грех. Когда произошла ситуация с моим бывшим мужем, я поставила под вопрос все, во что верила. Я решила начать сначала. Делать вещи, которые никогда не делала раньше. Получать жизненный опыт, понимаешь? А потом встретила тебя, и мне захотелось сделать то, что... что мы и сделали. И я хочу сделать это снова, но... не знаю, я борюсь с собой, пытаюсь понять, правильно это

или нет. Мое воспитание говорит, что нет, мое тело говорит, что да, а мой разум и сердце не знают, что думать.

Лука сдвинул брови, дослушав, что я сказала.

— Это все очень сложно.

Я горько рассмеялась.

— Да, это я. Сложная. Извини.

Он усмехнулся.

— Нет, я не имел в виду, что ты сложная, просто то, о чем ты думаешь, это все непросто, я не думал, что у всего этого будет такой глубокий смысл, когда спросил.

— О, Лука. Переспав со мной, ты получил намного больше, чем ожидал, во многих аспектах. — Я наклонилась к нему, положив свои ладони ему на плечи. Я боялась, что он уйдет, и хотела как можно дольше чувствовать его рядом, прежде чем он исчезнет.

— Ты бы хотел, чтобы со мной все было проще? — Спросила я. — Я знаю, со мной сложно, прости. Я бы хотела уметь упрощать вещи, но... я — одна сплошная неприятность, думаю.

Лука посмотрел на меня, он был в замешательстве.

— Ты не должна извиняться за то, кто ты есть. Нет, Делайла, я бы не хотел, чтобы с тобой было не так сложно. Ты — та, кто ты есть, и я с самой нашей первой встречи знал, что ты непроста. Мне нравится это в тебе. И я не боюсь бороться, чтобы понимать тебя.

Мне понадобилось немного времени, чтобы вдуматься в его слова.

— То есть, я для тебя что-то вроде борьбы?

Лука рассмеялся и закатил глаза.

— Да. Но это не оскорбление, поэтому не обижайся, пожалуйста. Ты не можешь сначала извиняться за то, что не можешь быть проще, а следом обижаться, когда я говорю, что понимать тебя из-за твоей сложности — своего рода борьба. Это нелогично.

Я засмеялась и игриво толкнула его.

— Тебе никто не говорил, что все женщины нелогичны?

— Ну, да, но...

— Расслабься, я не обиделась, Если ты хочешь борьбы с Делайлой Флорс, то это твой выбор. Я просто хочу, чтобы ты понимал, во что ввязываешься.

— О, я очень хорошо понимаю, во что я ввязываюсь, — сказал Лука охрипшим голосом.

Дразнящая шутка внезапно приобрела иной смысл. Теперь искры юмора превратились в искры возбуждения. Я осознала в глубине души, что мы, в некоторой манере, договорились создать отношения. Я отогнала эту мысль, пока она не начала сводить меня с ума.

Вместо этого я сосредоточилась на том, как руки Луки скользили по моей спине к краю футболки, на тепле его ладоней и на том, как от его прикосновений у меня между ног становилось влажно.

— Ты вообще-то должна спать, — сказал Лука.

— Я не устала, — ответила я.

Он гладил меня по спине под моей футболкой, но скорее в качестве успокоения, чем в качестве заигрывания. Его глаза были полны желания, и я чувствовала его нарастающую эрекцию, но он сдерживался. Я понимала, что он не хотел на меня давить.

Мне нужно было показать ему, чего я хотела.

Я отошла от него, стянула футболку и сняла трусики. Облизнув губы, он потянулся ко мне. Я оттолкнула его руки, мне нужно было показать ему, что за мысли витали в моей голове, пока у меня не сдали нервы.

Я стянула с него футболку, рывком стащила джинсы и толкнула его на кровать. Нарастающую эрекцию стягивало белье. Я забралась на кровать и прильнула к Луке, осыпая его поцелуями, его мощную грудь и живот. Лука подоткнул подушку, не сводя с

меня пылающего страстью взгляда. Наши глаза встретились, а моя ладонь скользнула под резинку его трусов, стягивая их вниз.

Я провела ладонью по его обнаженному телу, по широкой груди, по гладкому животу, спустилась к бедрам и снова поднималась, пока, наконец, не остановилась на его члене. Он дернулся и сжал мои руки.

— Делайла...

— Я хочу. Я хочу прикоснуться к тебе, — произнесла я и взялась двумя руками за его член. Я стала касаться его губами, обрушив их на его бедра. — Я хочу попробовать, каков ты на вкус.

Лука приподнялся.

— Делайла, тебе не обязательно... пожалуйста, позволь мне доставить тебе удовольствие.

Я посмотрела на него снизу вверх. Интересно, почему он так на этом заиклен? Может быть, он не верит, что мне действительно этого хочется? Я провела рукой вверх и вниз по всей длине его члена; другой рукой нежно дотронулась до его яичек. Затем робко прикоснулась языком к члену, прямо под головкой.

От него исходил мускусный аромат смазки, смешанный с нотами моего собственного запаха.

— Но я хочу. Я никогда не занималась этим раньше, и хочу попробовать. Я прекращу, если мне не понравится.

Он откинулся на подушку, его лицо осветила улыбка.

— Хочешь, чтобы я это сделала? — спросила я. — Тебе это нравится?

Гулкий отзвук смеха сотряс его грудь:

— Разумеется. Не верь мужчинам, которые утверждают обратное. Конечно, я очень этого хочу, но прошу тебя, не думай, что ты обязана делать это только потому, что я сделал то же самое с тобой.

Я пожала плечами и снова коснулась члена языком.

— Все совсем не так. Мне очень, очень понравилось то, что ты сделал, и я надеюсь, что ты это повторишь, но я делаю это не потому, что чувствую себя обязанной. Я хочу узнать тебя на вкус. Мне хочется этого... просто потому что хочется. А теперь заткнись.

— Если тебе так угодно, моя прелесть, — вновь рассмеялся он.

Я скользнула языком по мягкой, солоноватой головке. Лука прерывисто вздохнул, втянув живот.

— Ты только скажи мне, если я делаю что-то не так, хорошо?

Лука вновь засмеялся, мягко касаясь моих волос:

— Только не кусайся. Все остальное будет верным. Нельзя делать это правильно или неправильно.

Я глубоко вдохнула, задержала дыхание и приблизилась к нему. Сердце тяжело билось. Меня переполняло возбуждение, желание и легкое чувство вины за то, что я собиралась сделать.

Я коснулась губами головки, целуя ее, затем приоткрыла рот. Поначалу я взяла лишь несколько сантиметров. Он был толстым и твердым, но одновременно мягким и упругим. Член Луки был достаточно большим, так что мне пришлось сильнее раскрыть рот, чтобы он поместился целиком. И еще немного, еще глубже. Я обхватила пальцами основание члена рядом с коротко подстриженными лобковыми волосами, легко двигая рукой.

— О боже, — выдохнул Лука, выгибая спину.

Значит, ему нравилось. Должно быть, я все правильно делала. Я взяла его член еще чуть глубже, головка коснулась горла, и я почти подавилась. Я подалась назад, двигая рукой чуть живее, и почувствовала, как он напрягся и начал подрагивать. Я расслабила горло и снова взяла член глубже. На этот раз мне удалось не подавиться.

Лука тяжело дышал, ругаясь по-итальянски и сжимая пальцами мои волосы. Значит, ему нравится поглубже. Я не возражала, теперь я знала, чего ожидать. Я подняла голову,

на мгновение освобождая член Луки из плена своих губ, и снова медленно опустилась, сжимая основание. Лука дернулся, схватил простынь, закрыл глаза и откинул голову. Каждая мышца его тела была напряжена; он выгнул спину, словно стремясь войти в меня как можно глубже. И я взяла его член глубоко, до предела, затем подалась назад, и снова глубже, и снова назад...

Лука стонал, обе его руки тонули в моих коротких рыжих волосах, его бедра двигались в собственном ритме, вверх и вниз. Я двигала ртом в такт движению его бедер, опускаясь на подъеме. Глубины было как раз достаточно, чтобы не вызывать рвотный рефлекс.

— Я сейчас... — выдохнул Лука по-итальянски. — Я... о боже...

Языки перемешались, не давая выдать законченную фразу ни на одном. Мне нравилось то, как я на него действую. Лука явно затерялся в сладостной агонии наслаждения, и несмотря на то, что я сама не получала никакого физического удовольствия, мне нравилось доставлять ему такое удивительное наслаждение.

Его пальцы впились мне в волосы с такой силой, что кожа у меня на голове заболела. Лука выдохнул, произнес что-то невнятное на итальянском языке. Я почувствовала, как его яички сжимаются у меня в ладони и поняла, что он кончает. Получается, он меня предупреждал. Я почувствовала страх. Какова его сперма на вкус, что я должна с ней делать? Выплюнуть? Проглотить?

Времени на размышления не было. Он дернулся, я заглотила его член как можно глубже, втягивая щеки, — и он громко простонал что-то похожее на «да» — я не поняла, но это было неважно, ведь я почувствовала, как нечто тягучее, горячее и соленое коснулось моего языка. И снова спазм, и еще одна порция его спермы вылилась мне в горло. Я проглотила, понимая, что выбора у меня нет, поскольку он все еще кончал, — очередной сильный поток терпкого, густого тепла вылился мне в рот.

Он снова прерывисто вздохнул, и я вынула его член из рта, продолжая двигать руками, пока Лука не поймал их и не притянул меня к груди. Я вытерла губы ладонью, все еще чувствуя вкус его спермы и ощущая его член во рту.

Не знаю, что я думала о своем первом минете. Я попыталась проанализировать свои ощущения. Было не плохо, я не чувствовала отвращение. Лука тяжело дышал и слегка подрагивал, прижимая меня к себе, будто не хотел отпускать. Это мне определенно нравилось. Нравилось то, что я с ним сделала. Мне не нравилось давиться, но если в следующий раз я не буду брать член так глубоко, то этого не случится. А остальное было... интересным. Его сперма на вкус была совсем не противной. И я просто обожала его член, обожала чувствовать его, держать его, пробовать его на вкус.

— Боже мой, Делайла, — прошептал Лука, зарывшись лицом в мои волосы. — Это было... как это говорится... потрясающе.

Я уткнулась в его плечо, испытывая одновременно удовольствие и неловкость.

— Тебе понравилось? — Я провела рукой по его груди и животу. — То есть... У меня неплохо получилось для первого раза?

Лука недоверчиво засмеялся:

— Неплохо? Боже, Делайла. Я никогда... никогда такого не испытывал. Ты точно никогда этого не делала? Не уверен, стоит ли тебе верить после такого. Как твои ощущения?

Я пожала плечами. Мне было неловко говорить об этом.

— Было... интересно, по большей части. Мне понравилось то, что тебе это понравилось.

— Но?

— Но я не уверена, что мне нравится давиться твоим членом.

Лука нежно рассмеялся.

— Что ж, тогда... Как бы мне потактичнее сказать... Тебе не обязательно давиться. Большинству женщин... Я знаю, что им это тоже не нравится. Они думают, что мужчинам

это нравится, так что они это делают, чтобы доставить удовольствие мужчине, или, может, чтобы впечатлить. Но мне кажется, что мужчинам нравится смотреть, как женщина давится, только если им доставляет некое извращенное удовольствие... не могу подобрать слово. Уменьшение значимости? Унижение?

— Принижение?

— Да, точно, спасибо. Им нравится принижать женщину, чтобы чувствовать себя более могущественными. Лука притянул мое лицо к своему и наши глаза встретились. Его взгляд был так нежен и ласков, что это даже пугало.

— Делайла, послушай меня внимательно, пожалуйста. Мне это не нравится. Мне не хочется... принижать тебя. Я хочу, чтобы ты хорошо себя чувствовала. Чтобы ты ценила свою личность, свое тело и свое сердце — всю себя. Мне не хочется иметь над тобой ложную, неправильную силу.

Он поцеловал меня и коснулся пальцем моих губ, не давая мне возразить.

— Доставлять мне такое удовольствие... оральное... мне нравится, как ты это делаешь. Но быть с тобой, быть в тебе мне нравится больше. Если ты хочешь это делать, по собственному желанию, то мне это нравится. Но не думай, что ты должна, обязана или вынуждена это делать только для моего удовольствия. — Он коснулся моих волос.

— Понимаешь?

Я кивнула.

— А теперь... давай проделаем и с тобой то же, чтобы и ты смогла прочувствовать все, как и я, — произнес Лука улыбаясь.

Он поцеловал мою шею, плечо и ложбинку между грудей. Его пальцы мягко скользили по моей коже, касаясь лица и спускаясь к соскам. По моему животу пробежала дрожь ожидания. Однажды он уже делал так, и я знала, что будет дальше, и, черт возьми, я этого хотела. Я хотела, чтобы его язык коснулся меня, его пальцы вошли в меня, и прямо сейчас. Но он, конечно же, заставил меня ждать. И это было хорошо, ведь делало ожидание еще более сладостным. Лука медленно спускался губами по моему телу, целуя изгибы груди, выступающие ребра, живот цвета слоновой кости. Я вся дрожала, запуская пальцы в его волосы. Он приближался к моему влажному жаждущему лону; мое дыхание участилось. Он был так близко, что мне хотелось податься навстречу его лицу, но я этого не сделала. Я заставила себя легко перебирать пальцами в его угольно-черных волосах и ждать, пока он сам дойдет до самого сокровенного.

Чем ближе он приближался к моей киске, тем медленнее текли секунды; Лука осыпал поцелуями мои бедра: сначала внешнюю их часть, затем внутреннюю. Я горела от желания, чувствуя головокружительное давление в самой глубинной части своего женского естества. Одной рукой он накрыл мою грудь, перекатывая твердый сосок между нежных мозолистых пальцев. Он коснулся моих половых губ, медленно поглаживая их снизу вверх, словно пробуя их в деле; я выдохнула и застонала.

— Да, Лука, еще... — Слова словно убегали от меня.

И он подчинился, погрузив язык в меня, раздвинув малые губы, чтобы почувствовать мои соки. Свободной рукой он спустился по моему животу и проник пальцами в меня, поглаживая самые чувствительные части моего тела. Я застонала и выгнула спину. Единый ритм круговых движений его языка вокруг моего клитора, точки G и соска сводил меня с ума. Все быстрее и быстрее Лука доводил меня до безумия, дыхание прерывалось... и тут он замедлился, практически остановился.

На этот раз я все же притянула его к себе, и он возобновил быстрые движения языка, совмещая их с медленными круговыми движениями пальцев внутри и легкой игрой с соском. У меня не было особых сил на раздумья, но в какой-то момент я восхитилась его способностью к работе в режиме многозадачности.

Теперь головокружительное давление в глубине моих чресл стало тягучим и пламенным. Подрагивание ног превратилось в дрожание, трепет в животе стал отчаянной попыткой быть ближе к его языку.

И тут — взрыв. Я увидела звезды перед глазами, каждая мышца тела словно застыла, размягченная электрическим разрядом оргазма. Лука втянул воздух около клитора, и меня обожгло холодом, — он выдохнул, и по мне разлилось тепло. Напряжение стало невыносимым, сокрушительным. Я не контролировала дрожь, стоны удовольствия вырывались сами по себе с каждым движением его языка.

Затем неистовство закончилось; на его место пришла беспомощность. Мои ноги обмякли, мои руки упали ему на плечи, и пронеслась ленивая мысль — устает ли у него язык?

Я неуклюже подтянула его к себе, держа за голову. Перед глазами у меня мерцали вспышки, нижнюю часть тела трясло. Я прильнула к нему, едва дыша.

Когда мне удалось восстановить дыхание и унять дрожь, я почувствовала, как что-то коснулось моего бедра. Я поняла, что это такое, улыбнулась, перекатилась на бок и обхватила его толстый, твердый, готовый к действию член. Мягким его уже точно нельзя было назвать.

Лука склонился ко мне и коснулся губами моих губ нерешительно, ищуще. Я приподнялась, чтобы поцеловать сильнее, и притянула его к себе. Руки спокойно обнимали его спину — мы просто наслаждались поцелуем. Я чувствовала, как его пальцы раздвинули мою промежность и мягкая, но твердая головка его пениса скользнула внутрь.

Его фрикции были несильными, но глубокими и аккуратными. Этого как раз хватало для мурашек по позвоночнику. Я подогнула колени, чтобы он вошел еще глубже, и нетерпеливо приподняла ягодицы, чтобы получить толчок помощнее. Мне хотелось, чтобы его член скользил во мне вперед и назад; напряжение росло, огонь полыхал все ярче.

Лука взял меня под колени, выпрямил их и встал прямо. Теперь он стоял передо мной на коленях; он подался вперед, положил мои ступни себе на плечи и вошел в меня полностью.

От экстаза у меня потемнело в глазах. Он вошел настолько глубоко, насколько это вообще было возможно, а затем практически полностью вынул член — внутри осталась только головка. Она пульсировала на входе в мое влагалище. Лука крепко держал меня за ягодицы, слегка их приподнимая.

Он резко и сильно входил в мое влажное разгоряченное лоно. Я выгнула спину, схватила простынь и застонала. Еще один резкий выход, мимолетная боль пустоты и снова толчок, вперед и назад, твердо, медленно. Никакого особенного ритма, лишь пульсация мужского начала рывками, толчками, скольжениями пробивала во мне внутреннюю стену. Прекрасное лицо Луки украшали капли пота и лучи лунного света. Его восхитительное мускулистое тело двигалось, менялось, искажалось.

— О Господи, Лука, да, — прерывисто воскликнула я. — Еще. Сильнее.

— Сильнее? — Усмехнулся Лука и прижал мои бедра к своей груди. — Это я могу, моя прекрасная Делайла.

И он начал двигаться сильнее, входя в единый ритм с моим первобытным началом, прижимаясь щекой к моей лодыжке, целуя мою голень, все сильнее и сильнее, и тут... о боже...

Меня словно разорвало на части молнией, рожденной внизу живота, словно смыло волной облегчения. Взрыв оргазма вихрем пронесся по моему телу, унося меня в пламя страсти. А Лука все не останавливался, погружаясь в глубины меня и выныривая наружу. Его глаза были закрыты, а по лицу блуждала дикая улыбка. Черные как смоль волосы упали ему на лоб, оливковая кожа сияла, покрытая каплями пота.

Он издал низкое, первобытное рычание, схватил мои ноги и задвигался еще сильнее, еще быстрее, еще глубже. Он врывался в меня, и я закричала, возносясь на пик удовольствия, беззаботная, дикая и бешеная.

Это было лучше, чем в прошлый раз, а прошлый раз был лучше, чем до этого... если так и продолжится, то я даже представить себе не могла, до чего мы дойдем через день, через неделю.

Он кончил и, боже мой, он кончил сильно. Его горячее влажное семя заполнило меня, брызнув на мою внутреннюю стену. Лука откинул голову; его лицо исказилось в гримасе удовольствия. Наши тела слились воедино, мы кончили вместе. Наконец, Лука застыл, вынул член, обрушился на постель рядом со мной и положил мою голову себе на грудь, обвив меня рукой.

Я безмятежно уснула, чувствуя себя в безопасности.

Когда я проснулась, солнце стояло уже высоко. Его лучи пробивались в окно; Лука был в душе. Я поднялась в кровати, чувствуя приятную боль; я насытилась и все же была голодна. Я вынула нетбук из сумки около кровати и открыла его, чтобы написать вот это вступление. Лука вышел из душа спустя где-то тысячу слов, поцеловал меня, приласкал и отвлек, а затем все-таки ушел за завтраком и оставил меня писать. На этом пока, пожалуй, все. Пора в душ.

Вопрос больше не требовал ответа.

Я поеду во Флоренцию с Лукой. Не знаю, остановлюсь ли я у его родителей, решу это по прибытию.

ГЛАВА 2

Июнь, 13

Лука водил небольшой красный Ситроен DS4. Стоило лишь заикнуться о том, что мне нравится его машина, Лука, как и все мужчины по всему миру, сел на любимого конька и, сбиваясь с английского на итальянский, начал расписывать все достоинства и особенности этой модели. Единственное, что я вынесла из его импровизированной лекции, — это название модели и тот факт, что она быстрая и симпатичная. Чаще всего такие машины называют «миленькими», но машина Луки почему-то не казалась мне такой. Она была симпатичной, почти как спортивный автомобиль.

После ленивого завтрака в номере мы выехали из Рима.

— Долго ехать до Флоренции? — спросила я.

— Ну, довольно-таки долго, — ответил Лука. — Около трех часов. Если ехать напрямую без остановок, то, может, меньше. Но я думаю, что мы все-таки где-нибудь остановимся пообедать.

— Три часа — это, по-твоему, долго? — рассмеялась я.

Лука улыбнулся:

— Довольно долго. Не забывай, я же развожу вина по всей Италии, так что все время провожу в машине. Для меня три часа — это не очень долго. А для кого-то, кто живет и работает в одном городе, особо никуда не выезжая, путь может показаться очень длинным.

— Три часа — это ерунда, — отмахнулась я. — Семья моего бывшего мужа живет в Монтане, и мы ездим... то есть, мы ездили из Иллинойса в Мизулу во время отпуска. И вот это было по-настоящему долго.

— Эти города далеко друг от друга?

— Целые сутки пути. Мы живем... мы жили около Пиории, это город в центре Иллинойса. А его родители жили в Мизуле, около самой западной границы Монтаны. Получается около... пятнадцати тысяч миль? Или даже больше?

— И часто вы так ездили?

— Ох, по меньшей мере, раз в год. Мы ездили к ним на День благодарения, а они к нам на Рождество. Иногда наоборот.

Лука взглянул на меня, не убирая руки с переключателя передач:

— Ты скучаешь по нему? Только честно.

Я отвернулась к окну, разглядывая проплывающие мимо зеленые пейзажи, размышляя о том, что пыталась не думать об этом. В какой-то мере да, я скучаю. Мы были вместе тринадцать лет, начиная со старшей школы и заканчивая парой дней назад. Практически половина моей жизни прошла с единственным мужчиной. Он был во всем, что я делала, кем я была. Я прикусила губу, сдерживая эмоции.

— Его трудно отделить от моих мыслей и решений. Я просто не думаю о нем, потому что злюсь. Но... если посмотреть внимательнее, то я понимаю, что была несчастна. Я этого просто не понимала вплоть до недавнего времени.

Лука потянулся ко мне:

— Можешь рассказывать об этом, Делайла. Ты не ранишь и не расстроишь меня. Тебе нужно разговаривать о своих переживаниях.

Должно быть, мысль о том, что мужчина говорит мне рассказывать о своих переживаниях, заставила меня скривиться в улыбке, потому что Лука рассмеялся и сжал мою руку.

— Не смейся надо мной. Я не говорю, что у меня самого это хорошо получается, но я знаю, что это нужно делать, чтобы вылечиться. Вся твоя жизнь перевернулась. А я, в первую очередь, твой друг.

У меня защипало в глазах. Я яростно заморгала и сжала его руку. Когда я снова смогла дышать, то поблагодарила его:

— Это очень многое значит для меня, Лука. Я даже не знаю, что сказать. Мне нужно продолжать двигаться вперед, день за днем. Я притворялась, что мне все равно, даже перед самой собой. Что я слишком зла, чтобы злиться. Но прошло несколько дней и... мне больно. Я отдала этому подонку половину жизни. Он был моим первым и единственным любовником до тебя. Мне даже в голову не приходило, что он может мне изменять.

Лука кивнул. Его взгляд был тверд:

— Когда тебе изменяют — это тяжело. Я тоже это знаю, из собственного опыта.

— Я все думаю, что же со мной не так, если ему было недостаточно.

Лука посмотрел на меня, касаясь губами моих пальцев:

— Нет, моя дорогая Делайла. Ты не должна так думать. Я тоже мучился этим, когда Лиа сказала, что спит с другим. Я вновь и вновь спрашивал себя, неужели я недостаточно хорош? Но потом я понял, что это не моя вина. Я любил ее и делал ради нее все. Но ты должна понять умом и сердцем, что для некоторых людей никогда не бывает достаточно.

Я пожала плечами:

— Просто... женщина, с которой я застала его... она старше меня и, если объективно, не очень привлекательна. Но она... она худая.

— Делайла, ты же не думаешь, что...

— Я на этом не заиклена, честно. По крайней мере, не очень сильно. Трудно совсем не думать об этом. Я не худая, никогда не была худой, никогда не буду, и я нормально к этому отношусь. Мне нравится, кто я и как выгляжу. Но когда ловишь собственного мужа в постели с худой старухой со свисающими сиськами, сложно не думать, что он запал на нее из-за того, что она худая, а ты нет.

— Он запал на нее из-за того, что он идиот, — сказал Лука. — Говорят, что некоторые мужчины думают не головой, а головкой, но лично я считаю, что те, кто бросают или изменяют прекрасным, удивительным женщинам, вообще думать не умеют. Такие мужчины делают то, что им хочется в конкретный момент. Инстинктивное мышление, только по-другому.

— Импульсивность. Наверное, эта характеристика очень подходит Гарри. Он всегда был довольно импульсивным.

Лука остановился в небольшом городке в стороне от основной трассы, где мы прекрасно пообедали и выпили бутылку вина. Пить вино в полдень казалось мне странным, но для Луки это, видимо, было в порядке вещей, так что я не стала сопротивляться. Не думаю, что он хоть сколько-нибудь опьянел от полутора бокалов, а вот меня наполнило приятное тепло и чувство глубокого счастья легло мне на плечи, словно одеяло. Светило солнце, синело небо, в тени здания дул прохладный ветер.

— Не хочешь прогуляться? — спросил Лука.

— Конечно, — промолвила я.

Лука заплатил по счету, и мы отправились в путь, держась за руки. На заднем сиденье машины Лука хранил одеяло — «на всякий пожарный» — то есть, на случай, если придется спать в машине. Сейчас он аккуратно сложил его и взял с собой. В стороне от деревни, где мы обедали, буйной зеленью раскинулись холмы и поля, на фоне которых изредка виднелись деревья, деревеньки, фермы и виноградники. Лука нежно, но упорно уводил меня от дорог и деревень в сторону лесистых холмов. Трели птиц, трепет крыльев, мягкий ветер, играющий в листве и остужающий пот на моем лице.

Спустя полчаса после начала нашей вылазки Лука остановился на пике холма под деревом, раскинувшим поросшие густой листвой ветви, закрывающие от горячего итальянского солнца. Мы легли рядом, спина к спине, наблюдая за облаками, мелькающими между листьями.

Лука перевернулся на бок и положил руку мне на живот. Больше он ничего не сказал, однако его взгляда было достаточно. Мы были так далеко от цивилизации, что я почувствовала, как осмелела. Наши глаза встретились, и я расстегнула и стянула вниз

шорты, освободилась от лифчика и избавилась от футболки. Обнажение на улице было для меня еще одним новым опытом.

Лука скользнул рукой вниз по животу, мимо бедер, по лобку и поднялся назад. Он пока не трогал меня в сексуальном смысле, а просто гладил мое тело, исследуя каждый его сантиметр: мои руки, бока, грудь и бедра, мои икры и стопы. Исследовав мое тело пальцами, он повторил тот же маршрут, но уже губами.

Я лежала неподвижно, позволяя ему делать то, что он хочет, однако с каждым прикосновением его рук, каждым горячим влажным поцелуем мое сердце билось все сильнее. Это был не секс. Его действия были чем-то иным... чем-то более интимным. Любящим.

Я чувствовала, как биение моего сердца усиливалось, все больше напоминая страх: беги, беги, беги. Я не хотела, чтобы он любил меня. Если он полюбит меня, то я должна буду любить его в ответ, а эта мысль внушала мне ужас. Я любила мужчину половину собственной жизни и обожглась. Я думала, что знаю его, что доверяю ему, думала, что он заботится обо мне. Выяснилось, что я ошибалась. Луку я знаю всего сорок восемь часов, и сама мысль о том, что он может заботиться обо мне настолько, чтобы целовать и прикасаться ко мне так нежно, с таким трепетом... дрожь страха пробежала по моему телу вслед за удовольствием от его прикосновений.

Я не знала, что делать, что сказать, что чувствовать. С одной стороны, мне отчаянно хотелось снова быть желанной, быть любимой. Осознание того, что Гарри изменял мне на протяжении, возможно, всего того времени, что мы встречались, делало время, которое мы провели вместе, бессмысленным, пустым и ничего не значащим. Он никогда не любил меня. И сейчас, когда Лука клеймил мое тело своими нежными прикосновениями, я чувствовала, что нуждаюсь в большем, хочу большего, хоть это и пугало меня.

И это сбивало с толку.

Я не знала, бояться ли мне обожания в его глазах или таять от любви.

Я размышляла об этом, пока он осыпал мое тело поцелуями и прикосновениями, и оказалась не готова, когда его язык коснулся моего клитора. От неожиданности я резко вдохнула, дернулась и затем расслабилась. Теперь я знала, что он будет делать, и была готова к взрыву удовольствия. И тот последовал. О боже, какой же экстаз ждал меня на кончике его языка и поворотах его пальцев около моей точки G. Я почувствовала, как его язык отступает по мере того как я приближалась к кульминации. Я застонала и подалась бедрами вперед в надежде вернуть его язык на прежнее место.

Приподнявшись, я увидела, как он смачивает слюной пальцы и усмехается. Затем он опустил руки ко мне. Я уже была мокрой, уже смазанной его слюной и собственными соками, поэтому я удивленно нахмурилась. Не успев ничего спросить, я, однако, нашла ответ. Он раздвинул мои бедра и ягодицы одной рукой, а второй, с пальцами, покрытыми слюной, скользнул к мышце глубоко внутри, в том месте, к которому я никогда раньше не прикасалась. Я выдохнула и попыталась увильнуть и свести ноги вместе.

— Пожалуйста, расслабься. Тебе понравится, я обещаю, — Лука смотрел на меня через мое распростертое тело. — Но если ты не хочешь, я перестану.

Я все еще сжималась, наблюдая за ним и напряженно думая. То, что он делал, шло вразрез со всеми неписаными правилами в моей жизни. Но пока он не сделал ничего, что мне бы не понравилось, и я точно знала, что он не причинит мне боли. Мы были едва знакомы, но я доверяла ему. И это меня тоже тревожило. Гарри я знала всю жизнь, и думала, что тоже могу ему доверять.

Но Лука — это не Гарри.

Я расслабила ноги, закрыла глаза и застыла в ожидании.

Он медленно и нежно массировал мой анус круговыми движениями, его язык снова нашел мой клитор, а пальцы свободной руки вновь погрузились внутрь меня. Меня переполняли новые ощущения. Он продолжил круговые движения, и я почувствовала, как его палец проник в кольцо мышц. Ощущение не было неприятным. Затем, повинувшись

магии его пальцев и языка, я почувствовала нарастающее напряжение приближающегося оргазма... и оно было в разы сильнее всего, что я чувствовала до этого. И это было лишь началом.

С моих губ сорвался стон, а бедра свело в истоме. Палец Луки двигался все глубже и глубже, и я стонала уже непрерывно, внутри меня словно бушевали взрывы, нижнюю часть тела трясло, а его палец скользил внутрь и наружу легко и свободно.

Затем меня накрыло волной оргазма, и мой мир пошатнулся. Я закричала. В глазах замерцали огни, по всему телу словно пронесся электрический разряд, я дрожала и тряслась, но все равно кончала. Когда я подумала, что не могу кончить еще сильнее, Лука поднялся вверх по моему телу, все еще одетый. Я вцепилась в его штаны и рубашку, раздевая его в рекордно короткий срок. Все еще сотрясаясь от разрядов оргазма, я почувствовала, как Лука входит в меня, растягивая мое нутро своей толщиной. Я обхватила его своим телом, крепко прижимаясь и поддаваясь бедрами навстречу, заставляя его входить еще глубже.

Я потеряла счет времени. Возможно, мы извивались считанные минуты, а может и часы. Для меня это был один длинный оргазм, бесконечная кульминация, растущая все дальше и дальше до тех пор, пока я не могла больше ее выносить, а единственным, что я еще могла делать, стал судорожный захват бедер вокруг тела Луки в попытке поймать эту нескончаемую волну экстаза, задыхаясь и захлебываясь.

Когда Лука, наконец, замедлил толчки и начал впиваться в меня с медленной, первобытной силой, я практически обмякла, хотя все еще была на вершине оргазма, медленно падая в объятия наслаждения. И Лука кончил, подрагивая, рыча и выдыхая ругательства. Когда я почувствовала его оргазм, мое тело сжалось вокруг него в последний раз.

Когда мы встали, солнце стояло значительно ниже. Мы оделись и устремились к машине, держась за руки.

Уже сидя в машине, Лука повернулся ко мне:

— Ну, что скажешь?

Я знала, что он имеет в виду и застенчиво улыбнулась:

— Это было... сильно.

— Это хорошо или плохо?

— Твою мать, Лука. Я никогда в жизни не чувствовала ничего подобного.

— А, значит, было хорошо. Я рад. — Он взял меня за руку и погладил мое запястье большим пальцем. — Тогда, может быть, повторим позже?

— Сначала мне нужно сходить в душ.

— Ты сможешь это сделать в доме моих родителей.

Я не ответила, лишь кивнула. Кажется, он рассчитывал на то, что я останусь у него. Однако я не была уверена. Так много сомнений, так много тревог о неловких вопросах и ожиданиях... и ни одного ответа.

Тем не менее, долго думать мне не пришлось, поскольку меньше чем через час мы уже мчались по улицам Флоренции... Фирензы. Лука припарковался, вытащил мой чемодан из багажника и повел меня по переулкам и узким улочкам. Мы вошли в большую деревянную дверь, открывающуюся прямо на улицу. Лука постучал один раз, открыл дверь и впустил меня. За дверью скрывался просторный внутренний двор, окна на три стороны и фонтан в центре.

— Лука? Это ты? — спросила по-итальянски пожилая женщина, которая, безусловно, была матерью Луки, судя по одинаковому с ним изгибу рта и орлиному носу.

— Да, мама, это я, — по-английски ответил Лука. Он обнял мать, поцеловал ее в обе щеки и повернулся ко мне. — Мама, это Делайла, моя хорошая подруга.

Его мать улыбнулась, заметив, как близко друг к другу мы с Лукой стоим, соприкасаясь краями одежды, но не трогая один другого, как стоят люди, близко знакомые с телами друг друга.

— Она просто подруга? — по-итальянски спросила она, понимая, но дружелюбно улыбаясь.

— Мама, говори, пожалуйста, по-английски. Делайла пока только учится говорить на итальянском. — Он подтолкнул меня, и я протянула руку для рукопожатия. — Делайла, это моя мать, Доменика.

— Рада с вами познакомиться, Доменика, — сказала я по-английски. Хорошо бы я знала итальянский достаточно для того, чтобы поприветствовать ее как полагается на ее языке, но я боялась, что знаю итальянский не так хорошо и могу исковеркать приветствие.

— Мне самой приятно принимать вас здесь, — перешла на немного ломанный английский Доменика, пожимая мне руку.

Возможно, мне не стоило переживать.

— Спасибо за то, что принимаете меня тут, — сделала я попытку поблагодарить Доменику на итальянском языке.

Доменика улыбнулась и кивнула. Она провела нас в арку по узкому коридору, украшенному портретами и изображениями Девы Марии. Мы вошли в кухню, просторную, с высоким потолком, стенами, выложенными плиткой, и медленно крутящимся наверху вентилятором. У стены стоял большой стол из единого толстого куска дерева, поцарапанный, старый и гладкий от постоянного использования. Стол определенно был старинной вещью, которую любили и часто использовали. Доменика провела ладонью по поверхности стола, проходя мимо.

— Садись, садись, пожалуйста. Кофе будет подан в уно моменто* (прим. от перев. ит. — Один момент).

Стулья были такими же старыми, массивными и гладкими от постоянного использования. Лука сел рядом со мной и незаметно взял меня за руку под столом, отчего я почувствовала себя подростком. Его мать кружилась по кухне, наполняя графин из стекла и металла водой и кофе. Она поставила его на плиту, и только тогда я поняла, что Доменика варит кофе в перколяторе, — об этой вещи я слышала, но ни разу ее не видела. Пока в нем кипел кофе, Доменика сделала сэндвичи из толстых кусков домашнего хлеба, мяса, которое она достала из бледно-зеленого холодильника, где-то 1950-го года выпуска, и ярко-желтой головки сыра. Все это она поставила перед нами; Лука схватил корочки и отложил отдельно на тарелке. Я усмехнулась.

— Что? — не понял он, набив рот. — Мама знает, как я люблю сэндвичи. Я говорил, что я мамин сын.

Доменика сказала что-то по-итальянски через плечо.

— Мама, перестань притворяться, что не знаешь языка. Пожалуйста, говори по-английски. Не будь грубой. — Лука повернулся ко мне. — Мама сказала, что ни одна девушка не знает мужчину так, как его мать.

— Я примерно так и поняла. Я услышала слово «Мадре».

Лука засмеялся и сердито посмотрел на Доменику, когда она пробормотала что-то на итальянском языке.

— Она думает, что притворяться, будто она не знает английского — это смешно. Она понимает абсолютно все, что мы говорим, и может довольно прилично разговаривать, но не хочет. Наверное, ей нравится, когда американцы ее недооценивают.

Доменика взглянула на Луку, буркнув что-то, подозрительно напоминающее ругательства.

— А теперь она грубит. Такие-то грязные слова в адрес любимого сына!

— Не самого любимого, когда тот сует нос в чужие дела, — свободно произнесла Доменика по-английски с сильным акцентом. — Разве можно быть таким недобрым к своей старой матери? Не даешь хранить секреты от американской подружки.

— Мама, она мне не... то есть, мы не... — Лука запнулся и потер нос. — Ох уж эта назойливая пожилая леди. Не обращай внимания на нее, Делайла.

— Мне кажется, она веселая, — сказала я.

Мы прикончили чрезвычайно вкусные сэндвичи, и Доменика поставила перколятор на стол, медленно опустила пресс и разлила густой черный кофе по старым глазурованным чашкам из фарфора. Даже после добавления молока и сахара кофе был страшно крепким, это ощущалось с каждым осторожным глотком.

Доменика села рядом с нами, налила себе чашку кофе и отхлебнула, не добавив ни сахара, ни молока.

— Ты на отдыхе, Делайла?

— Да, мэм. Что-то вроде... длительного отпуска, — кивнула я.

— Ты что-то ищешь здесь? — сузила глаза Доменика.

— Мама, пожалуйста, — прорычал Лука.

Доменика взглянула на сына с наивным интересом:

— Я просто спрашиваю.

Со стороны арки раздались голоса, врываясь неожиданным шумом в комнату.

— О, твои братья и сестра идут сюда. Может быть, им нужна помощь, Лука? Делайла, останься со мной и помоги приготовить ужин, хорошо?

— Мама, я не думаю, что...

— Все нормально, Лука. Я с радостью помогу. — Я встала и положила руку ему на плечо. Доменика отвернулась и стала наливать воду в кастрюлю, так что я использовала эту возможность, чтобы украдкой поцеловать Луку.

— Иди, повидайся с семьей. Я справлюсь.

Лука допил кофе и встал. Он снова поцеловал меня, а выходя из комнаты, и вовсе, ущипнул меня за попу. Я подавила писк и увернулась от его руки, хлопнув его по плечу.

Можно было подумать, будто насытившись Лукой, я буду нормально себя чувствовать, оставшись одна, но как только он вышел из комнаты, я сразу задумалась, когда же смогу остаться с ним наедине. Меня тревожила глубина желания быть с ним, сексуальный голод, который я испытывала по отношению к нему, и сладкие высоты кульминаций, к которым он меня возносил. Я всю жизнь жила, не зная, что именно упускаю, и теперь, когда Лука показал мне это, я не могла насытиться.

Я обратилась к Доменике, которая, понимая блеснув глазами, проигнорировала обмен любезностями между мной и Лукой. Она показала мне, с чем нужно помочь в ее подготовке огромного количества блюд: пасты, домашнего соуса в чистых стеклянных банках, какого-то блюда с тушеной курицей и жареным красным перцем, овощами на пару... слишком уж много еды, информации и названий. Глядя на то количество еды, которое мы готовили, я задала себе вопрос: сколько же братьев и сестер у Луки?

Когда приготовления начали близиться к концу, Доменика вручила мне стопку тарелок и целую кучу выдавших виды столовых приборов, все из разных наборов. Рядом с кухней располагалась столовая, длинное и узкое помещение, где стоял стол, рассчитанный как минимум на двадцать человек. Я расставила тарелки и посчитала их. Их было двадцать две. То есть, не считая меня, в его семье двадцать один человек.

Возможно, у меня случилась небольшая паническая атака, когда я раскладывала столовые приборы. Я имела одну сестру, и у нее было двое детей. Гарри — единственный ребенок. Даже если моя и его семья соберутся вместе, то будет всего десять человек. Я попыталась представить двадцать одного человека за одним столом, и все из одной семьи. Двадцать одного.

Во что я вляпалась, приехав сюда?

Я слышала голоса в кухне, все возбужденно тараторили по-итальянски. Несколько мужских, несколько женских и хаотичный взрыв детских голосов. Из всеобщего бормотания я выделила медовый голос Луки и почувствовала облегчение при мысли о том, что он будет со мной. Но... серьезно? Двадцать один человек? Я никогда не была в такой толпе, если не считать вечеринок в колледже или учебных занятий. Но семейное собрание? И ведь были даже не праздники, насколько я знала. Обычное воскресенье в июне.

Я взяла себя в руки и расставила свечи, которые нашла в буфете, — огромные белые сальные свечи в замысловатых серебряных подсвечниках. В буфете также была стопка льняных салфеток, а также десятки всевозможных стаканов, по большей части винных бокалов разных размеров. Не зная, что еще делать, я расставила винные бокалы как придется.

Я услышала шаги за спиной, повернулась и почувствовала руки Луки вокруг себя. Его губы коснулись моей челюсти, шеи и горла, прежде чем вернуться к подбородку и, наконец, губ. Его руки скользили по моим бокам вверх и вниз, накрывая мои ягодицы и прижимая мое тело к своему. Я позволила себе расслабиться, пытаясь черпать силы из его размеренного сердцебиения и грации.

— У тебя так быстро бьется сердце, — прошептал Лука. — Ты ведь не боишься?

Я кивнула:

— Лука, тут двадцать одно место. Это все только твои братья и сестры и их дети?

Лука кивнул.

— Тут так много людей. Я не... моя семья маленькая, и мы нечасто собираемся вместе. И я только что встретила тебя, и...

— Делайла, пожалуйста, тебе надо успокоиться. Мы просто семья. Я никогда не думал, что нас много, но я понимаю твою тревогу. Моя семья добрая. Ты им понравишься. Я обещаю, ты почувствуешь себя дома. Все мои братья и сестры говорят по-английски, и большая часть их детей тоже. Все будет в порядке. — Лука посмотрел на стол. — Ты очень хорошо все накрыла. Маме понравится.

— Я не уверена насчет стаканов. Они вроде как одинаковые, так что я...

— Все хорошо. Это просто сосуды для напитков. Нечего беспокоиться. — Он потянул меня на кухню. — Просто будь самой собой, моя прекрасная. Все будет в порядке.

Похоже, мы приехали незадолго до прибытия всех остальных. Кухня, до этого казавшаяся просторной, теперь была заполнена разговаривающими людьми, звонкими звуками итальянской речи, смехом и возбужденными голосами. Дети всевозможных возрастов, от подростков до грудничков, выбегали из кухни и забегали назад, с воплями гоняясь друг за другом. Я насчитала одиннадцать, но они все были похожи и не стояли на месте, так что я не была уверена.

Лука взял меня за руку, когда мы входили. Такой жест весьма явно обозначал природу наших взаимоотношений; я думала вырвать ладонь, но поняла, что мне нужно сжимать его пальцы, чтобы быть уверенной в себе. Я могла пережить этот вечер только вместе с ним.

Симпатичный мальчик лет шести-семи с непослушными черными волосами и большими карими глазами остановился напротив нас:

— Ты девушка дяди Луки? — спросил он с неприкрытым любопытством.

Я замерла и несколько раз моргнула. Так ли это? Я решила ответить самым простым образом.

Не успел Лука ответить, как я ответила по-английски:

— Да, я его девушка. — Я попыталась переключиться на итальянский. — Как тебя зовут? Меня зовут Делайла.

— Делайла? Мне нравится твое имя. А я Бенито. Ты американка? — Казалось, он стремился похвастать своим английским. — Скажи, а в ванной комнате у тебя есть телевизор?

Я попыталась скрыть удивление в своем взгляде.

— Эм, нет, у меня телевизор только в гостиной.

Я отогнала прочь мысли о том, что теперь у меня вообще не было ни телевизора, ни гостиной.

— А почему у тебя рыжие волосы? Однажды я повстречал леди с рыжими волосами. Она была ирландка. Толстая и старая. А ты молодая и милая, твои волосы не такого

рыжего оттенка, как ее. У нее были ярко-оранжевые волосы, как морковка. Можно я потрогаю твои локоны?

Лука потрепал мальчика по голове:

— Бенито, ты одна сплошная проблема. Оставь Делайлу в покое, — он перешел на итальянский, — и пойди поиграй с двоюродными братьями.

Я засмеялась.

— Да все нормально. — Я присела и наклонила голову к нему.

Он потер прядь моих волос между пальцами, словно ждал, что рыжий цвет с них сойдет. Потом он засмеялся, потрепал меня по голове точно так же, как это сделал с ним Лука, и убежал. Я встала и пригладила волосы руками.

— Прошу прощения за него. Он сын моего брата и действительно настоящий непоседа, но ничего плохого сделать не хотел.

— Все в порядке. Он напоминает моего племянника в этом же возрасте. Любопытный и болтает все, что в голову взбредет.

— У тебя есть племянник? — спросил Лука.

Я кивнула.

— И племянница. Они уже подростки. Люси и Реймонд.

И снова непрошенные мысли заполнили мою голову. Не думаю, что когда-нибудь снова смогу говорить с моей сестрой. Если я увижу ее, то выйду из себя. А если увижу ее мужа, то расскажу, что эта шлюха изменяет ему, и тогда у него будет сердечный приступ, и это будет моя вина, так что, скорее всего я больше никогда не увижу своих племянников. Я подумала о светлых волосах Люси, ее волейбольной форме и футболках с Джастином Бибером, и о Раймонде с его жуткими футболками с принтами дет-метал групп, взъерошенными волосами и наушниками. Глаза щипало. Я часто заморгала и потерла глаза, делая вид, будто в них что-то попало.

Луку это не одурачило:

— Я что-то не то сказал?

Я покачала головой:

— Ничего. Просто подумала о своих племянниках.

— Скучаешь по ним?

— Да. Я буду очень скучать.

— Будешь? Что ты имеешь в виду? Ты не увидишь их, когда вернешься в Америку?

Я пожала плечами:

— Не знаю. Во-первых, я не уверена, что хочу возвращаться. И я никогда больше не смогу смотреть в глаза своей сестре, даже если вернусь.

Лука выглядел озадаченным. Я не рассказывала ему о своей сестре и Гарри.

— Она спала с Гарри, — вздохнула я.

— Я думал, ты застала его с женщиной старше себя. Женой священника или кем-то там.

Мы стояли в углу на кухне, где повсюду кружились члены его семьи. Они открыли огромную бутылку вина, разлили напиток по стаканам и передавали их всем, даже некоторым детям постарше. Я сделала глоток, надеясь, что меня не стошнит от вина.

— Так и было. Когда я их обнаружила, то собрала сумки и ушла. Я остановилась на работе у сестры. Думала, что смогу поговорить с ней. Но когда я ее увидела и рассказала о том, что случилось, то... я все поняла. — Я понизила голос, и Лука наклонился, чтобы лучше слышать. — Моя собственная сестра, Лука. Этот козел спал с моей сестрой. А она... хотя знаешь что? Нет. Я не хочу сейчас об этом говорить.

Лука обнял меня за плечи:

— И не надо. Прости, что заставил тебя вспомнить об этом. Выпей вина. Пошли. Может, я уговорю сестер сыграть, и мы сможем потанцевать. Что скажешь?

Он провел меня за руку по всему дому и затем в гостиную, где стояли диваны, кресла и небольшие диванчики для двоих, а около окна располагалось пианино. Дети

играли на полу, разбросав игрушки из плетеной корзины, в окружении четырех женщин, сидящих вокруг на стульях и непринужденно болтающих по-итальянски. Когда мы с Лукой вошли, она встала, чтобы поцеловать и обнять его. Он представил нас друг другу: Лючия, его старшая сестра; Элизабетта, его младшая сестра; Джулиана, жена его брата; Марта, жена другого брата.

Все они принялись бурно расписывать то, как они рады встретиться со мной и как мило с моей стороны присоединиться к их семейному обеду. Я улыбалась и кивала. Эти женщины были так естественны в своих объятиях. Они постоянно чокались, умудряясь не пролить вино, и целовали меня в обе щеки. Я подавила желание вытереться. Женщины не целовали меня в щеки с детства, и мне это не особо нравилось ни тогда, ни сейчас, когда повзрослевшую меня чмокали женщины, которых я знаю пять секунд. То есть, да, конечно, это европейский обычай, но когда такой обычай касается непосредственно тебя, а ты к нему не готов, то хочешь не хочешь, а испытаешь что-то вроде шока.

Мать Луки спасла меня от дальнейшей неловкости, пригласив всех к столу. Ужин прошел совершенно хаотично, очень громко, весьма весело и был чрезвычайно сытным и невероятно вкусным. Все передавали блюда по бесконечному кругу, все болтали в одно и то же время, дети орали друг на друга с разных концов стола, взрослые вторили детям, все смеялись, вино текло рекой, даже малыши аккуратно отпивали из бокалов под пристальным взглядом родителей. Мне оставалось только тихо жевать, пытаюсь пережить происходящее вокруг безумие и представлять, каково это — вырасти в такой огромной дружной семье. В моем детстве ужин был торжественным молчаливым событием. Мама всем раскладывала еду по тарелкам, затем мы рассаживались по местам и молчали, если к нам не обращались напрямую. И да, мы пили воду или молоко.

А здесь... это было форменное безумие. Еду глотали так быстро, что ты едва успеваешь положить себе порцию, вторые и третьи блюда передавались без каких-либо вопросов, тарелки передавались, переставлялись и наполнялись заново, вилки и ножи монотонно звенели на фоне нескончаемых разговоров на пылком итальянском языке.

Даже Лука, казалось, в какой-то момент забыл о том, что я здесь, погрузившись в очень громкую беседу с мужчиной средних лет на другом конце стола, который вроде как был его братом или мужем одной из сестер. Доменика сидела на одном краю стола, ее муж — на противоположном. Это был величавый пожилой мужчина с густыми, но почти полностью седыми волосами, морщинистым лицом и добрыми, глубоко посаженными серыми глазами.

Меня забрасывали вопросами. Нравится ли мне Италия, какие у меня впечатления от Рима, видела ли я Колизей, считаю ли я Фирензу самым красивым городом на земле, как долго я уже здесь, чем я занимаюсь по жизни... Я пыталась отвечать, улыбаться и продолжать есть. Ужин подошел к концу приблизительно через час, люди ели, ели, ели, прерывались, чтобы сделать глоток вина и положить себе еще еды, потом болтали, болтали, болтали и снова ели, пока абсолютно вся еда, количество которой могло, как мне до этого казалось, накормить роту солдат, наконец, не закончилась.

Никакого сигнала к завершению не было, но все дружно встали и начали убирать тарелки, бокалы и блюда. Я оказалась у раковины вместе с Мартой, женой брата Луки. Я намывала тарелки, она их полоскала, а другие сестры вытирали и уносили посуду. Со мной они говорили по-английски, спрашивая, как мы с Лукой познакомились. Я пыталась увильнуть от их вопросов, но они были настойчивы, так что я рассказала, что у меня украли сумку, а Лука ее вернул. Эта история показалась им смешной, милой, романтической и «так похожей на Луку».

— Должно быть, ты ему действительно понравилась, — промолвила Элизабетта.

Она была младше меня, думаю, года на три, у нее были черные волосы, заплетенные в косу, которую она носила, перебросив через плечо так, что та свисала как раз между ее огромными грудями. По типу фигуры мы были схожи, у обоих широкие бедра, большая грудь, рост выше среднего, даже можно было назвать ее высокой. Она гордилась своими

формами и ростом, выглядя при этом элегантно и довольной собой, чему я отчасти даже завидовала.

— Почему ты так решила? — спросила я.

Она ухмыльнулась.

— Ну, ты ведь здесь, верно? Лука не часто приводит кого-то на воскресный обед. Я бы даже сказала, не припомню, чтобы он вообще приглашал кого-то.

Я нахмурилась.

— Он сказал, что вы все частенько приводите гостей.

Элизабетта и Лючия обменялись взглядами, которые я не смогла толком понять.

— Нет, это не совсем правда, — сказала Лючия. — Не уверена, какова была причина, чтобы он так сказал. Скорее всего, вы не правильно его поняли? Когда мы были моложе и не замужем, возможно, это и было правдой, когда нам нужно было представлять парней семье. Если он не мог наладить контакт с Элизабеттой и мальчиками, то на следующее свидание мы не соглашались. Семья — самое лучшее испытание, чтобы определить, подходит ли вторая половинка.

Лючия была выше нас, худенькая и энергичная, ее волосы были не такими густыми, но ухоженными, со здоровым блеском. Пальцы были длинными и вертявыми, как у Луки.

Обе женщины кивнули.

— У меня то же самое было с Лоренцо, — сказала Марта. — Я точно знала: если он не мог подружиться с моими братьями, то он не может быть моим мужем.

Марта лучше всех говорила по-английски; у нее был слышен британский акцент, поскольку какое-то время она провела в Англии.

Я молча слушала, как женщины рассказывали истории о своих мужьях, которые учились жить в ладу со своими семьями. Мое сердце при этом бешено колотилось.

— По-твоему, он меня проверяет? — спросила я.

Элизабетта рассмеялась.

— Думаю, ты нравишься ему. Это мое мнение. Проверяет? Не могу сказать наверняка, правда ли это. Но ты здесь, и ты, милая, нравишься мне. Значит, тебе не стоит беспокоиться по этому поводу, верно?

Лючия, кажется, почувствовала мое беспокойство.

— Не думай об этом. Если у тебя есть сомнения, расскажи о них Луке, и он скажет тебе правду, — сказала она, улыбнувшись и вытерев руки о платок.

Уборка завершилась, и мы присоединились к мужчинам и детям во дворе. Дети пинали мяч; мужчины, держа в руках бокалы с вином и ликером, периодически тоже присоединялись к детям. Лука суетился больше всех, петляя между детьми, перехватывая мяч, передавая его, смеясь и играя так, будто он сам был ребенком. Я стояла около калитки, наблюдая за ним.

Он будет хорошим отцом. Эта мысль пронеслась в моей голове, точно молния. Но это была очевидная правда. Ему явно легко с детьми, как с подростками, так и с малышами. Пока я размышляла об этом, он взял на руки маленькую девочку максимум двух лет от роду, которая ковыляла по саду и кричала, пытаясь угнаться за старшими детьми, и очень расстраивалась, когда ее маленькие ножки подвели ее. Лука посадил ее на плечи и погнался за мячом, хохоча, когда девочка тянула его за волосы, чтобы повернуть в другую сторону.

Он будет очень хорошим отцом. Сама по себе эта мысль была простой и безобидной. Но меня беспокоило то, что она пришла вместе с видением картины, похожей на нынешнюю: Лука бежит по саду с маленькой девочкой. Только у девочки в моем видении были живые, небесно-голубые глаза, похожие на мои, нос с горбинкой и прямые, иссиня-черные волосы. Это меня очень встревожило. Почему я об этом подумала? Я же не хочу детей. Я видела, через что прошла Лиа с Люси и Реймондом — ад родов, кровь и крики... То есть, да, Лиа говорит, что оно того стоило и что ты вроде как забываешь обо всех

ужасах, когда берешь ребенка на руки, но я не уверена, что ей можно верить. То, как она кричала, рожая Рея, явно не относится к тем вещам, которые можно забыть, и неважно, насколько хорошеньким получился ребенок. А еще я помню, какой измученной выглядела Лия на протяжении нескольких месяцев после родов — темные круги под глазами, а походка такая, будто она истощена до предела.

Итак... почему я думала о детях? Да еще и с мужчиной, с которым только-только познакомилась? Это было безумием. Идиотизмом. Сумасшествием. Я с ума сошла.

Я подняла взор как раз тогда, когда внимательный взгляд карих глаз Луки смотрел прямо на меня. На руках он держал малышку-племянницу, которая дико хохотала, когда он щекотал ее и, прижав рот к ее животу, с силой дул воздух.

— Он умеет обращаться с детьми, верно? — произнесла Лючия, остановившись возле меня. Она протянула мне рюмку с прозрачной, крепкой жидкостью, чем-то похожей на водку. — Это граппа [1], она сделана из винограда, выращенного на винограднике, где работает Лука.

— Да, он прекрасно с ними ладит.

— У него богатый опыт. Он дядя одиннадцати племянников и племянниц. И единственный, кто еще не женат. Мама очень хочет, чтобы он следующий подарил ей внука, однако, сам он говорит, что еще не готов к этому. — Она выпила глоток граппы и скривилась. — Возможно, он бы и созрел уже, если бы Лия не причинила ему столько боли.

— Он упоминал ее, но мы не говорили об этом, — сказала я. Я не была уверена, что Лючия — тот человек, с кем я должна была обсуждать подобное. Обычно такие разговоры приводили к тому, что на поверхность всплывает то, что кому-то не хотелось бы озвучивать.

— Тут особо и говорить-то не о чем, — произнесла Лючия. — Он был так молод, когда они поженились, всего двадцать два года. Она была постарше, думаю, лет на пять. Довольно милая, добрая, и, похоже, она всем нравилась, кроме меня. Не знаю почему, но что-то в ней заставило меня... усомниться в ней.

Я чуть не подавилась своей граппой.

— Они были женаты? — Я пыталась не выглядеть столь раздосадованной, насколько была на самом деле.

— О, да, несколько лет. Они казались счастливыми. А потом она уехала. Не было причин, никаких поводов, она уехала, не оставив записки, не позвонив — ничего. Была лишь пустая квартира. — Лючия наблюдала за братом, в ее взгляде смешались воспоминания о его боли и ее любви к нему. — Она разбила ему сердце. Он очень любил ее, и когда Лия ушла, она, разумеется, забрала с собой и Луизу.

Страх, словно камень, ударил меня под дых.

— Луизу?

— Ох, она была прелестным ребенком. Черные, цвета воронова крыла, блестящие волосы.

— У них... у них был... ребенок? — перейдя на шепот, произнесла я.

Лючия посмотрела на меня с сомнением и выругалась по-итальянски:

— Дьявол, он тебе не рассказывал? — Она накрыла мою руку своей; я одернула ладонь и заковыляла вдоль стены по направлению к двери, за которой была улица.

— Делайла, подожди, ты не понимаешь. Все не так, как ты подумала.

Но я не слушала ее. Я поставила свой бокал с граппой на ручку кресла и пошла к двери.

Был ребенок? И он не сказал мне об этом? Он даже был женат? Боже, какая же я идиотка.

— Делайла, подожди, пожалуйста, — сказал Лука позади, схватив меня за рукав. — Лючия допустила ошибку, рассказав тебе об этом. Ты не понимаешь.

Я потрясла головой и толкнула калитку, где меня чуть не сбила женщина, промчавшаяся словно ужаленная, а потом и грузовик с продуктами. Я ничего не слышала и не видела, в голове билась лишь мысль о том, как бы убраться поскорее.

Я слышала, как Лука бежит следом за мной. Его голос почти стих, но я чувствовала его у себя за спиной. Я не обращала внимания, куда иду. Сейчас уже была ночь, город скрылся в тени, оранжевый свет уличных фонарей и шум кафе прорезал улицы. Я подошла к мосту, остановилась и наклонилась, наблюдая за течением воды. Лука остановился позади меня в ожидающем молчании.

Я не говорила, и он подошел ближе.

— Делайла, пожалуйста, послушай. Да, я был женат. Она ушла от меня, сегодня ровно год, этого не изменить. Но у меня нет детей. Я клянусь тебе.

Я посмотрела на него впервые с тех пор, как покинула его дом:

— Но Лючия сказала...

— Моя сестра желает мне добра, но иногда она слишком спешит со словами. Луиза была дочерью Лии, не моей. Я... я очень заботился о ней, но она не была моей дочерью. Я думал... я думал о ней как о своей, но когда Лия ушла от меня, я понял, что она не моя дочь, и никогда не будет моей. — Он стукнул ногтем по камушку на древнем мосту. — Прости, что не сказал тебе раньше, но я и правда не хотел грузить тебя своим прошлым, когда у тебя есть свое горе, которое ты пытаешься пережить.

У меня словно гора упала с плеч:

— Так у тебя точно нет никаких детей?

— Нет! — с пылом сказал Лука. — Если бы у меня был ребенок, то я был бы с ним, каждый день, каждое мгновение. Я бы не позволил забрать его у меня. Я бы ни перед чем не остановился, чтобы быть ему отцом. Но Луиза была не моей. У меня не было никаких прав на нее, и если Лия не хотела видеть меня рядом, не хотела, чтобы у нас была семья, то я ничего не могу поделать. На самом деле, несмотря на то, что мы выглядели безумно влюбленной друг в друга прекрасной парой, это было не так. Один на один Лия была другим человеком.

Кажется, Лука погрузился в свою историю, и я не прерывала его.

— Она была так вежлива и дружелюбна к моей семье, так похожа на идеального члена моей семьи, — Лука покачал головой, опустив глаза, в которых мелькал отблеск старой боли. — Наедине со мной Лия была другой. Недоброй. Она легко ранила меня, давила на больное. Оскорбляла меня. Что бы я ни делал, ей было мало. Боже, она так злилась. И я никогда не понимал, почему. Она скрывала от меня свое прошлое, но я был достаточно умен, чтобы видеть шрамы на ее душе, оставленные прошлой жизнью, полной боли. Однажды она сказала, что изменила мне с другим мужчиной. Я никому этого не рассказывал, даже сестрам. И я простил ее и попытался забыть, но... это было непросто. Я пытался двигаться дальше, но однажды я вернулся из поездки, где продавал вино в Марселе, Венеции и Корсике, а ее не было. Она просто исчезла. И ничего мне не объяснила. Исчезла одежда, исчезла моя машина. И все деньги, которые мы вместе откладывали.

Я не знала, что сказать.

— Лука, я... прости меня. — Я прикоснулась рукой к его спине и начала гладить круговыми движениями. — Мне так жаль. Я должна была дать тебе возможность объясниться.

— Я объяснил, теперь ты знаешь. — Лука обернулся, оперся спиной о поручни моста и притянул меня к себе. — Итак, можем теперь вернуться домой? Они беспокоятся о тебе. Лючии было не по себе.

Я позволила ему отвести меня домой к его родителям. Меня окружили тонной извинений по этому недоразумению, и я долгое время уверяла Лючию, что все вышло как нельзя лучше.

Бокал граппы вернулся ко мне в руку, и я присела на скамейку вместе с Лукой, пока его семья кружилась вокруг нас: дети бегали, смеясь и пиная футбольный мяч, а взрослые общались между собой. В какой-то момент Элизабетта и Лючия достали инструменты, мандолину для Лючии и скрипку для Элизабетты. Они настроили их, перекинулись парой слов и заиграли веселую мелодию. Все присоединились, и двор превратился в еще более безумное место, где люди кружились в танце, придумывая каждый свои движения.

Я притопывала, а тело желало двигаться. Кроме писательской деятельности я всегда любила танцы. Это та деятельность, которой я занималась изредка, поскольку в маленьких городках ночная жизнь практически отсутствует. В колледже, однако, я почти каждый день посещала уроки танцев, в основном классические: балльные, танго, вальс, самба и прочие. Более свободные стили как джаз и контемп не очень меня привлекали. Мне нравились стилизованные па, красота их последовательности.

Лука искоса посмотрел на меня.

— Ты танцуешь?

Я пожала плечами, застенчиво улыбаясь.

— Немного.

Он встал, протянул мне руку, и я взяла ее, позволяя вытянуть меня на свободное для танцев место. Он легко начал, взяв меня в обычный для вальса обхват, и мы закружились, не уделяя внимания ни шагам, ни структуре танца. Сестры сменили мелодию на музыку, под которую я часто танцевала на уроках танцев, и я автоматически подстроилась под Луку, а мои ноги заплясали сами. Лука удивился, но тоже подстроился, и наши движения стали более бодрыми, его обхват — более формальным и изящным, а ноги — легкими и быстрыми.

Вот те на! Мужчина, который умеет танцевать. Мои учителя всегда говорили мне, что у меня могло быть большое будущее в области танцев, если бы я хорошо работала и немного похудела. Хорошо, что мне больше нравилось писать, потому что идея похудения меня совсем не вдохновляла. Небольшое отступление, вот так. Я хочу сказать, что видела разницу между человеком, которому просто нравится танцевать, и человеком, который упражнялся и относится к танцам серьезно.

Лука был настоящим танцором. Положение его тела было безупречным, а ноги двигались так, что дух захватывало. Он четко вел меня по двору, не отрывая взгляда от меня. В мире не существовало ничего, кроме музыки, соединяющей нас, пульсирующей в наших венах. Танец подошел к точке, где полагался подъем партнерши, если бы это был хореографический номер. Я почувствовала, как Лука готовится, заметила, как его глаза смотрят на землю и высчитывают расстояние.

— Готова? — выдохнул он.

Я кивнула. Три шага, полуоборот, и затем он обхватил руками мою талию, и когда я подпрыгнула, поднял меня. Я не самая подвижная девушка в мире, но легче двигаюсь на своих собственных ногах, чем многие могут предположить, и Лука, что ж, он был достаточно силен, чтобы поднять меня, чтобы это выглядело без усилий с его стороны.

Он выполнил подъем, словно мы очень долго тренировались. Меня накрыло волной возбуждения и адреналина, которые неизбежно наступают после того, как выполнишь что-то сложное, а затем мы опять кружили по танцполу во дворе; его крепкая и горячая рука лежала на моей талии, пронзительные глаза смотрели в мои собственные, а желание, исходившее от него, можно было ощутить на ощупь, от чего меня тоже охватило желание и страсть. До этого момента танцы никогда не были такими чувственными для меня, наши тела двигались в идеальной гармонии и идеально подходили друг другу.

В конечном итоге, песня закончилась, и мы с Лукой остановились, держась за руки, тяжело дыша и немного вспотев, не в состоянии отвести взгляд друг от друга. Его семья наградила их одобрительными возгласами и аплодисментами, дети были в не себя от радости. Я поняла, что все перестали танцевать и наблюдали за нами, и от этого мои щеки покрылись румянцем. Я никогда не танцевала на публику. Да, я брала уроки, научилась

танцевать, но у меня никогда не было желания попасть на сцену и танцевать перед аудиторией или соревноваться с кем-то, даже не смотря на то, что мои учителя изрядно часто упрашивали об этом.

— Ты по-настоящему изумительно танцуешь, Делайла, — подметил Лука.

— Ты тоже. Даже не могла и представить, что ты танцуешь.

— Я тоже. — Лука повел меня за руку во внутренний двор и подальше от любопытных глаз его семьи. — Нам следует чаще делать это вдвоем. Я так долго не танцевал с кем-то талантливым.

— Я тоже, — ответила я. — Со времен колледжа. Не могу поверить, что нам удался этот подъем!

Лука рассмеялся.

— Верю! Мне показалось, что стоило попробовать, когда я понял, что ты так идеально знаешь па. Ты такая грациозная.

Мы стояли у лестничного пролета, и Лука перевел взгляд с моего пылающего лица на ступеньки, а затем на внутренний двор. Его семья опять танцевала, Элизабетта и Лючия опять играли в импровизированную джигу.

Лука облизнул губы и подтолкнул меня к лестнице.

— Куда ты собрался? — спросила я. Я надеялась, что у него на уме было именно то, что я и предполагала.

— Кое-куда с более интимной обстановкой. Или в особенности с «интимной». — Лука повернул за угол и потянул меня по узкому коридору с деревянной облицовкой к двери в самом конце.

Комната за дверью была крохотной, но комфортной, очевидно, это была гостевая спальня, которой редко пользовались. Здесь было два окна: из одного был виден город, а другое выходило во внутренний двор. Музыка было четко слышно, детский смех перемешивался с гулом голосов взрослых, а топот ног по брусчатке сливался с шелестом воды в фонтане.

Каким-то дивным образом мой чемодан оказался в углу комнаты. Я не была уверена, когда Лука принес его из машины, но он стоял тут.

Лука закрыл дверь и запер ее на цепочку, а затем повернулся ко мне, в его глазах полыхало желание. Я бросилась к нему, и наши губы встретились, мои руки вцепились в его рубашку, стягивая ее вниз, а затем расстегивая его джинсы. За считанные секунды мы остались обнаженными благодаря спешке рук, которые затем начали ласкать тела друг друга.

Его губы проложили дорожку поцелуев по изгибу моей шеи к груди, зубы обхватили соски, а руки скользнули по животу вниз, чтобы приласкать складочки моей киски, и между бедер стало неимоверно мокро. Его член в моих руках налился — возбуждающий стержень жара, стальной твердости и шелковой кожи.

Я хотела его, тот час же. Не хотела ждать, когда он меня коснется. Я двинулась к нему, поднялась на цыпочки и подвела его член к киске. У Луки были другие планы. Он подтолкнул меня назад в сторону кровати, лаская губы в жестком поцелуе, от чего у меня перехватило дыхание. Я начала отползать по кровати назад, но Лука одарил меня шаловливой улыбкой, затем обхватил руками мои бедра и повернул меня лицом вниз. Я оторопела и посмотрела на него через плечо.

Он погладил мою спину, одновременно лаская и надавливая руками, затем прижался губами к позвоночнику, а его пальцы сплелись с моими, когда он вытянул мои руки над головой. Каким-то образом я растянулась на кровати, вытянув руки вперед. Я начала понимать, что он задумал, когда его руки опять прошлись по моей спине, но в обратном направлении к моим ягодицам, затем он нежно погладил пальцами складочки киски. Он нащупал вход в мое лоно и ввел в него пальцы, касаясь точки G, начал поглаживать ее, пока я не задвигала бедрами, и мое дыхание не стало прерывистым.

Затем я почувствовала, как он провел влажной головкой члена по складке между моими ягодицами и вошел в меня, наполняя и толкаясь глубже. Он стоял на полу, двигаясь вперед и назад, его член заполнял меня, и я не могла сдержать стоны.

— Шшш, окно открыто. Нас услышат, — прошептал Лука. — Ни звука, хорошо?

Я кивнула и закусила одеяло, когда мы вошли в единый ритм — с каждой секундой он начинал вонзаться в меня жестче, одной рукой удерживая меня за поясницу, а другой, обхватив мои бедра, притягивал к себе. Я почувствовала, как его палец опустился к моей попке, погладил между ягодиц и начал ласкать мышцы ануса. Что-то влажное и теплое прикоснулось в моей второй дырочке, и он начал проникать туда пальцем, медленно и осторожно. Теперь я была к этому готова, знала, какие ощущения подарят мне эти ласки, я была им рада, хотя глубоко в душе это меня беспокоило.

Его палец вошел полностью, и мне пришлось подавить еще один громкий стон. Я почувствовала, как те мышцы растянулись, а затем чувство наполненности усилилось, приближая оргазм. Я повернула голову, чтобы посмотреть через плечо, но увидела только тело Луки, которое двигалось, вонзаясь в мою киску.

— Я бы хотел проникнуть и сюда, — сказал он, наклонившись к моему уху. — Ты мне доверяешь, чтобы позволить это сделать?

— Ты хочешь сказать, что... ты хочешь вставить член... туда? — От этой идеи меня охватила паника.

Лука кивнул, и я засомневалась.

Я только привыкла к его пальцам. Я их любила, любила силу оргазма, который они мне дарили, но не была уверена, что готова к чему-то большему, ни физически, ни морально.

— Не знаю, Лука. Я нервничаю по этому поводу. Особенно при открытом окне. — Я почувствовала, как он начал убирать пальцы. — Ты можешь продолжать то, что начал, но... можем ли мы... повременить со второй частью? Я не отказываю, но пока не готова. Не сейчас.

— Все нормально, — ответил он. — Надеюсь, я тебя не расстроил.

Я покачала головой и двинула бедрами назад к нему:

— Нет, нет. Просто... не останавливайся, продолжай. Я на грани.

Он поцеловал мою спину и качнул бедрами ко мне, медленно и глубоко заполняя меня. Я застонала в матрас, поскольку приближение оргазма, который из-за того что мы отвлеклись, начал сходить на нет, опять начал набирать обороты. Лука двигал телом в медленном и размеренном ритме, его бедра соприкасались с кожей и мышцами моих ягодиц, одна рука так и находилась на бедре, а два пальца все глубже проникали в мою попку с каждым толчком его члена.

На меня нахлынули приятные ощущения, и я утонула в них. Чувство наполненности было столь велико, что я была почти на грани, сгорая от неистового жара наступающего оргазма, что казалось, больше не могла этого выдержать и практически была готова его молить остановиться, убрать пальцы и позволить мне кончить, лежа на спине в более привычной для меня позе. Я не чувствовала дискомфорта в согнутом положении, но это было в новинку, так непривычно, так странно. Между нами был единственный контакт — сексуальный, и мне начинало нравиться... я начинала любить... то, как ощущалось его мощное, смуглое, мускулистое тело, которое прижимало и одновременно защищало меня, накрывая собой.

Это... это было по-другому. Я представляла для него сексуальный объект. Во мне побывали его член, его пальцы, а его руки распяляли меня еще больше. Нравилось ли это мне? Мне нужно было задать себе этот вопрос. Ощущения были прекрасными, я не смогла бы, да и не стала бы, отрицать этого. Но... было ли это хорошо с эмоциональной стороны?

Боже, да. Это казалось неприличным. Это было распутно. И так греховно.

Пока я мысленно дискутировала, то замедлила движения бедер и позволила его телу руководить. Теперь же, когда я приняла решение не задаваться вопросами, я сжала одеяло

в кулаках и выгнула спину, поднялась на цыпочки и начала раскачиваться бедрами навстречу движениям бедер Луки, что позволило его члену войти еще глубже и меня накрыло волной оргазма, от чего по телу пробежала волна жара. Я зарылась лицом в кровать и позволила себе застонать, замурлыкать и заахать, пока милый, заботливый Лука вколачивался в меня. Я почувствовала, как он тоже достиг пика, и в этот момент он не смог больше сдерживаться, не смог сдерживать темп своих движений или нежно входить членом в мою киску.

Его пальцы двигались внутри меня, погружаясь все глубже, и затем он навалился на мою спину, и я ощутила, как мышцы его ног задрожали и он кончил, также как и я, стиснув зубы, чтобы громко не застонать. Рука Луки впилась в мое бедро, и он потянул меня на себя, когда кончал в меня, его яйца шлепали о мое тело, а сперма изливалась глубоко внутри из пульсирующей головки члена.

Мы кончили вместе, двигаясь в унисон, я поддавалась бедрами навстречу его телу: это было медленное и первобытное движение тел, которые инстинктивно пытались соединиться еще глубже, еще жестче. Я услышала, как его дыхание стало прерывистым. Оргазм, который настиг меня, был словно цунами чувственного восторга; подлинной агонией экстаза; слишком захватывающим, неистовым и безудержным удовольствием, которое едва можно было выдержать; лучом света, который я увидела закрытыми глазами, и он проник в каждую клеточку, каждую мышцу, заставляя их сокращаться и расслабляться, сокращаться и расслабляться.

Когда тело Луки на мне расслабилось, я задалась вопросом, если было так чудесно ощущать его пальцы там, то возможно мне еще больше понравится, если их заменит его мужское достоинство. Меня беспокоило то, что это могло быть больно, поскольку даже два его пальца были значительно меньше его пениса.

Тогда я поняла, что хочу попробовать. Что позволю ему это. Я была рада, что это не произошло здесь и сейчас, поскольку узнала, что я была громкой, и наслаждалась тем, что позволяла своим стонам набирать обороты. Казалось, что сдерживая вокальные способности во время секса, уровень получаемого удовольствия снижается, хотя возможно это звучит глупо. То, что мы были в пределах слышимости от всей его семьи, придавало этому опыту некий сладостно запретный и головокружительно пикантный оттенок.

Лука отстранился, вынув член из моей киски, помог мне лечь на кровать и лег рядом.

— Mio dio* (прим. перев. с ит. Боже мой), Делайла. Что ты сделала со мной.

Я рассмеялась.

— Я сделала с тобой? Это ты засунул пальцы мне в зад.

— Правда, но тебе это понравилось, в этом я точно уверен, — подытожил Лука, ухмыляясь.

— О, мне это, несомненно, понравилось, — подтвердила я.

Он стал серьезным:

— Прости, что настаивал на том, к чему ты еще не готова.

Я поцеловала его, чтобы убедить:

— Ты не давил на меня, Лука. Ты спросил, и я попросила повременить, и ты не стал настаивать. — Пальцами я вычерчивала круги на легкой поросли волос его широкой груди, и не смотрела ему в глаза. — Я хочу попробовать, если ты этого хочешь. Просто... не здесь и не сейчас. Не тогда, когда внизу все бодрствуют и слушают, и прочее.

— Да, ты права. Возможно, сейчас не лучшее время для таких шалостей. — Он игриво шлепнул меня по заднице. — Особенно по той причине, что ты так громко и прекрасно стонешь.

Я покраснела и спрятала лицо на его груди, мои слова звучали приглушенно у его кожи:

— Я слишком громкая?

— Да, и я это люблю.

Внезапно между нами возникло неловкое напряжение от того, что он использовал слово на букву «Л». Опять на меня накатила паника, и я застыла, у меня перехватило дыхание, будто мне на грудь навалился тяжелый груз. Бежать. Бежать. Бежать. Мое сердце выпрыгивало из груди, и в этот миг мне захотелось вскочить, накинуть на себя что-то из одежды и сбежать, поймать такси и помчаться куда угодно. Люблю? Нет, нет, нет и нет. Я пыталась убедить себя, что он не то имел в виду, но это не помогало. Я не могла совладать с состоянием влюбленности или тем, что я любима. В Италии я хотела обрести себя, понять, кто я на самом деле, получить какой-то жизненный опыт, и даже сексуальный. Я без колебаний обретала сексуальный опыт, и мне это нравилось, но все остальное? Нет, в этом я не была уверена.

Кто я? Кто такая Делайла Флорес? Я любила писать и танцевать. Мне нравилось вино. И, казалось, нравился секс. У меня его никогда раньше не было, было что-то, что нужно было делать, поскольку я была замужем и Гарри так настойчиво этого требовал. Но мне подобное никогда не нравилось, я не желала и не нуждалась в этом. Теперь же, повстречавшись с Лукой, я не могла насытиться этим. Даже сейчас, когда не прошло еще и десяти минут после ошеломляющего оргазма, я опять хотела Луку.

Итак, мне нравился секс, очень.

В голове промелькнула мысль. Каким бы был секс с Брэдом из Чикаго? Отличался бы он чем-то? А если с кем-то другим? Случайным встречным, из другой страны, другого города? Части тела у всех одинаковы и работают также, поэтому я подумала, что это должно было бы быть схоже. Не так ли? Но что если другой мужчина был бы менее понимающим к моей нерешительности? Если бы он не принимал то, что я не была крохотной куколкой? Другой мужчина мог не принять мой отказ всего несколько минут назад.

Если я позволю нашим взаимоотношениям с Лукой развиваться дальше и просто останусь вместе с ним в Италии, какие возможности я упущу? Я намеревалась посмотреть мир. Хотела увидеть так много мест: Грецию, Англию, Германию, Ирландию, Швецию.

Но Лука... Боже, он был невероятным.

Я сидела на кровати рядом с ним, окно было открыто и звуки смеха и разговоров, как взрослых, так и детей, начали утихать. Лука сидел рядом и отвечал на письма по электронной почте на телефоне, в то время как я писала. Было комфортно, интимно и так привычно. Я видела себя в этой рутине день за днем: спать в одной кровати, писать, заниматься делами, читать, беседовать, смотреть телевизор. Само осознание того, как все было легко, пугало меня. Казалось, будто я всегда спала с Лукой, и будто дальше так и будет.

Страх опять появился в груди, навалившись всей тяжестью, когда я печатала. Я не была уверена, чего хотела. Не знала, что делать. Мое внутреннее «я» кричало, что нужно бежать, сесть на автобус до аэропорта и улететь, направиться куда угодно, только лишь бы не попасть в капкан любви прежде, чем я начала свой путь.

Внутренний голос, тихий, но настойчивый, твердил, что если я убегу, то могу упустить самое лучшее, что когда-либо со мной происходило.

Элизабетта подошла к двери и попросила вернуться к гостям, поскольку у нас и так было достаточно времени, чтобы побыть наедине.

Казалось, в этой семье я могла быть счастлива. Что еще больше меня смущало.

ГЛАВА 3

Июнь, 16

Последние два дня я провела во Флоренции с семьей Луки. Чувствую себя по-настоящему дома, даже больше, чем с собственной семьей. Пугающая мысль, да?

Особенно близко мы подружились с Лючией. Это приводит меня к еще одной пугающей мысли: у меня нет друзей дома, в Штатах. То есть, вообще ни одного. Лиа — самый близкий мне человек, но она моя сестра, так что это не считается, так? У меня были знакомые с работы, Гарри, несколько дам из церкви, с которыми я иногда обедала, но никого, с кем я могла бы выпить граппы, послушать музыку, шататься по улицам и болтать.

Все это я делала с Лючией. Она понимает меня так же, как Лука. Не осуждает, понимая, каково мне в эмоциональном плане, особенно после того, как я рассказала ей о своих приключениях за последние несколько дней.

Боже мой. Прошло всего несколько дней. Чуть больше недели назад я обнаружила Гарри с Хелен. Ощущение, будто прошла целая жизнь. Я стала совершенно другим человеком. Я ругаюсь, пью алкоголь и занимаюсь сексом с Лукой. Всего неделю назад все это считалось смертными грехами, переворачивающими твою жизнь пороками. А здесь это всего-навсего жизнь.

Растерянность никуда не делась. Я все еще не знала, что делать. Пока я останусь здесь. Это проще всего. Лука говорит, что задержится дома, по меньшей мере, на две недели, если не больше, так что спешить не нужно. У меня было время, чтобы решить. Я не трачу деньги на отель, еду или такси. Помогаю Доменике с готовкой, прибираю после еды, играю с детьми. С каждым днем я все лучше говорю по-итальянски.

Я хочу увидеть Венецию. Хочу увидеть Афины, Акрополь, тысячелетние театры, где игрались самые первые великие пьесы. Хочу увидеть лондонские красные двухэтажные автобусы, Биг Бен и Лондонский мост.

Но Лука. Лючия. Маленький, но громкий Бенито с его очаровательными кудряшками. Тихая малышка Роза с раздетыми куклами и пони, нарисованными мелками. Понимающая и элегантная Доменика, полная достоинства.

И Лука. Лука. Его мягкая сила, быстрые, внимательные руки, умелый язык. И его пенис, господи. Я никогда ничего не хотела так сильно и так часто. Я люблю быть с ним в постели. Или на постели, или над постелью, или стоя у стены (как этим утром, когда я шла в душ). В любое время, в любом месте. Я просто секс-чудовище. Бедный Лука. Боюсь, что я его измучаю своим непомерным аппетитом.

Хотя нет, это абсурд. Он такой же ненасытный, как и я.

А вот и он, прямиком из спортзала, вспотевший и без футболки. Волосы распластались по лбу, прилипнув к коже, мышцы напряженно блестят, спортивные шорты свободно свисают на бедрах, открывая восхитительный V-образный барельеф мышц. Думаю, это нравится всем женщинам. Вне зависимости от того, нравятся ли вам мускулистые, жилистые, волосатые или гладкие мужские тела, небольшое количество выступающих мышц на животе в любом случае почему-то возбуждает. Просто заводит и заставляет истекать слюной.

Кажется, он хотел забрать у меня нетбук. Я сидела в кровати в одних трусиках, потому что собиралась принять душ, но вместо этого стала писать в дневник, а теперь мы оба рвемся в бой.

Придется закончить позже.

* * *

Сейчас середина ночи, пишу спустя несколько часов.

Кажется, я пристрастилась к описанию секс-сцен. Еще со старшей школы за мной водился маленький грязный секрет: я любила читать эротические романы. Не могла перестать так делать, даже несмотря на чувство вины. Но почему-то даже во время чтения «нормальных» книг я ждала описаний секса, а когда их не было, — я разочаровывалась, и мне становилось скучно. И я возвращалась к эротическому чтиву.

Этот дневник — другое дело. Я никогда его не опубликую и не позволю никому его читать. Я пишу его для себя. Когда я смотрю на то, что уже успела написать, то понимаю... некоторые куски на самом деле довольно хороши. Я завожусь, когда читаю их. И... чем дальше я описываю происходящее, тем лучше представляю сцены между мной и Лукой. словно переживаю их заново. И в результате, когда мы с Лукой занимаемся сексом или любовью, как хотите, — процесс становится еще приятнее и жарче.

Я лежала на широкой упругой постели, обнаженная, в лиловых стрингах и с нетбуком на коленях, когда из спортзала пришел Лука. Я пыталась притвориться, что не замечаю его и единственное, что вижу — это мой экран, но мужчина знает лучше. Он видел сквозь мои глупые уловки и пополз по кровати, словно хищник по траве. Лука отобрал мой нетбук, поставил его на пол и начал целовать меня: пальцы ног, затем голени, а потом и бедра. Когда он добрался к обтянутому шелком холмику, он приложил рот к ткани и дунул горячим воздухом. Тепло и влага его дыхания сделало что-то странное, послав острые ощущения удовольствия через меня, заставив мгновенно намокнуть. Я уверена, что для этого есть какое-то милое и грязное название, но я не знаю его.

Затем он стянул с меня стринги и отшвырнул их. Потом остановился, рассматривая меня с чувственной, понимающей улыбкой, которая говорила мне, что точно знал, насколько мне нравилось то, что он собирался сделать своим ртом.

Он раздвинул мои бедра, наклонился и поцеловал мою ногу, пока его губы касались моих бедер, а щетина терлась о киску. Затем, добрался до нее губами, а язык скользнул к входу, лизнув складки, только лишь его кончиком. Он обхватил меня за бедра и потянул ниже на кровать. Я подложила подушку под бедра и запустила пальцы в его волосы, когда Лука проник в мою киску языком.

О, господь милосердный, ожидание сделало итог только лучше. Этим утром мы уже успели быстро, грязно, страстно и сладострастно насладиться друг другом, упираясь в стену ванной. А сейчас все было совсем по-другому.

Медленно, сладко и... Не уверена, что могу подобрать правильные слова, но я попытаюсь.

Он не спешил. Прижимая меня к себе, он доводил меня до безумия, даже не ускоряя движений языка. Медленные круговые движения около клитора, ритмичное массирование точки G и аккуратный нажим на кольцо ануса — палец не входил внутрь, а только нежно поглаживал вход, — всего этого было достаточно, чтобы отправить меня в страну экстаза.

У меня пронеслась мысль о том, будет ли он снова поднимать вопрос анального секса, но я тут же забыла обо всем, ведь Лука все ускорялся, пока я не сотряслась от оргазма, сильного как никогда. Я подтянула его к себе, стащила с него шорты и перевернула на спину.

Все еще дрожа, я оседлала его, приподнимая и опуская подрагивающие бедра, не встречая никакого сопротивления. Я была мокрой, разгоряченной, дрожащей от нетерпения и готовой на все. Он вошел, и мы начали двигаться вместе; я отклонялась, как только могла, пока он не содрогнулся. Мне хотелось продлить наше слияние, и я поняла, что если отклоняюсь, то он не кончает дольше, пока я не ослаблю напряжение.

Я не собиралась позволить ему кончить, пока он не станет умолять меня. Дело было не во власти или желании подчинить его. Я хотела лишь растянуть наслаждение от ощущения его внутри себя так долго, как это возможно.

Я двигалась так же медленно, как и он, словно покачиваясь на океанской волне, вверх и вниз. Лука положил руки на мои бедра так, что его большие пальцы оказались на складке, соединяющей бедро с телом, а остальные пальцы сжимали округлости моей

попки, не подталкивая или подтягивая, а просто отдыхая, нежно поддерживая. Он откинул голову и выгнул спину так, что его тело приподняло мое. Я держала собственный вес, упираясь голеньями, и двигалась все быстрее и быстрее, глубже и дальше.

— Лука, о боже, Лука, — слова срывались у меня с губ, словно между моей и его душой была натянута струна.

— Ты так красива, Делайла.

Я таяла. Я хотела обессиленно упасть, но он тяжело дышал, а его тело дергалось в ожидании облегчения, так что я растягивала удовольствие, ведь каждый рывок его тела погружал его член все глубже в меня, мои мышцы дрожали и напрягались, готовые к взрыву финала...

Я положила руки на его живот, приподнимаясь и вжимаясь бедрами в его бедра, игнорируя его все более настойчивые стоны желания. Я отклонилась, задвигалась еще быстрее, гормоны бушевали, желание рвалось наружу, плоть горела от нетерпения, впиваясь в его тело, глаза закрылись сами собой. Я вся отдалась ощущениям.

— Делайла... боже, если ты не позволишь мне кончить, я умру. Я просто взорвусь, пожалуйста... — Лука с трудом и отчаянием умолял меня.

Я провела рукой по его груди, все еще отклоняясь бедрами назад и выгибаясь спиной вперед. Наши глаза встретились, его взгляд пылал желанием, а пальцы яростно сжимали мои бедра, притягивая меня к себе. Его член был тверд как камень, тело дергалось, каждый вдох и выдох вырывался из груди прерывистым стоном.

Я больше не могла тянуть. Я уже кончила, испытав нарастающую волну наслаждения. А теперь, когда Лука был так близко, буквально на краю, но все еще далеко от истинного облегчения, я знала, что снова приближаюсь к оргазму, который будет сильнее, чем когда-либо. И я достигну его в ту секунду, когда расслаблю напряжение своих бедер.

Лука зарычал, выругался по-итальянски, а затем рывком перевернул меня единственным движением. Внезапно он оказался надо мной — огромный, сильный, мощный. О, господи. Он кончил, испуская из груди рык облегчения. Я обхватила его бедра ногами и подтянула к себе, сжимая плечо и затылок трясущимися руками и чувствуя, как нас уносит волной оргазма к запредельным ощущениям, которые были куда сильнее, чем любое физическое облегчение.

Лука обрушился на меня всем своим весом, оставив только член внутри меня и горячо дыша мне в ухо, зарывшись руками в мои волосы. Пальцы его ног вжимались в одеяло. Я обернулась вокруг него, как змея, сжимая его плечи. С моих губ срывались стоны, я шептала его имя.

Я почувствовала, будто нечто нематериальное, но неотделимое от моей личности оторвалось где-то в глубине моей души и слилось с Лукой. Между нами образовалась связь. В мозгу пульсировала библейская цитата: «и они станут одной плотью». Я всхлипнула. Я не понимала, что происходит, что это означает, но знала — это невозможно изменить.

Теперь Лука был внутри меня, эмоционально и мысленно. Не просто физически, не только в сексуальном смысле этого слова. Его личность слилась с моей. В этот момент я знала, что никогда не испытаю ничего подобного с кем-либо еще. Физические ощущения и эмоциональная отдача настолько вскружили мне голову, что по моему телу прошел спазм.

Лука двигался надо мной и внутри меня, неотрывно смотря на меня. Большим пальцем он вытер выступившие на моих глазах слезы, не спрашивая, почему они появились. Его глаза, полные чувств, ясно говорили мне, что он прекрасно знал, почему.

Это было уже слишком.

Когда мы закончили и лежали, прижавшись друг другу, я поняла, что нужно принять решение. Мы ничего друг другу не сказали, но в комнате витало немое понимание того, что между нами происходило.

Наконец, Лука задышал ровно и спокойно, а я осталась одна, испуганная и запутавшаяся.

То, что происходило, перестало быть просто сексом. Каждое мгновение, проведенное вместе, открывало все новые перспективы. На самом деле, между нами никогда не было «просто секса». Лука показал мне, что я упускала все это время. Он боготворил мое тело, он подарил мне нечто куда большее, чем простое физическое удовлетворение. С ним я ощутила счастье быть самой собой и уверенность в собственной сексуальности. А это — бесценный подарок.

Так почему же я собираюсь сбежать?

Понемногу, меня начинало клонить в сон.

Снова проснулась около четырех утра и начала писать.

В моей голове и сердце бушевали противоречивые чувства.

Бежать. Бежать. Бежать.

Любить. Любить. Любить. Это она, Дел. Голос в моей голове был до странности похож на спокойный и прагматичный голос Лии. Не сопротивляйся любви. Поддайся ей. Это она, Дел, и бежать от нее глупо.

Он так прекрасен. Посмотри на него: длинные темные волосы падают на глаза, лицо спокойно, мышцы выступают даже в состоянии покоя, грудь мягко поднимается и опускается, словно волны, набегающие на берег.

Если я разбужу его и расскажу о войне, развернувшейся внутри меня, он придумает, как успокоить меня. Я должна была разбудить его. Но не смогла. Он так красив во сне, будить его будет жестоко.

Но если он сейчас проснется и обнаружит, что я ушла, его сердце снова будет разбито.

Господи, помоги.

ГЛАВА 4

Июнь, 17

Я на вокзале в Женеве. Сейчас полдень. Мое сердце разбито, ведь я знала, что приняла неверное решение. Я убежала. Упаковала сумку и исчезла в сером сумеречном мареве. На этот раз я оставила записку.

«Лука.

Пожалуйста, не злись. Я прошу прощения. Мне нужно пространство. Мне нужно время, чтобы подумать. Я сама не знаю, чего хочу. Пожалуйста, не думай, что я ушла из-за того, что ты сделал или не сделал. Ты замечательный и потрясающий. Проблема во мне. Наверное, я все еще не пришла в себя, а время, проведенное с тобой, было слишком удивительным, слишком преждевременным. Я знаю, что звучит глупо, но это все ошеломило меня. Я не знаю, куда отправляюсь. Не знаю, что делаю. Единственное, что я знаю, так это то, что я сожалею. Я не хочу ранить тебя, и мне претит мысль о том, как ты будешь себя чувствовать, читая это. Наверное, я отправлюсь на север Европы. Боже, я порю чушь.

Ты слишком хорош для меня сейчас. Мне нужно побыть одной. Надеюсь, я смогу найти тебя, когда буду готова. А если нет, то знай — ты дал мне именно то, что мне было нужно.

Спасибо. И прости меня.

Делайла».

Перед тем как уйти, я покопалась в телефоне Луки, нашла его номер телефона и записала. Теперь я смогу ему позвонить... когда-нибудь.

Утро было холодным. Я тащила чемодан по пустым, подернутым легкой дымкой улицам Фирензы... Флоренции. Фирензе. Произносить это название по-итальянски слишком тяжело. Флоренция. Я слышала голос Луки, смеющийся и поправляющий мое произношение.

Я нашла вокзал и взяла билет до Женевы, Швейцария. Поезд шел долго, медленно, и это было прекрасно. С каждой милей я все сильнее скучала по Луке. Или, раз уж я в Европе, с каждым километром. Чем дальше поезд уходил от Италии на север, тем сильнее я чувствовала, как часть моего сердца разрывалась. Я представляла, как Лука просыпается, шарит рукой по пустой постели, думает, что я в душе или пошла за кофе, а затем находит записку. Я представила, как он сжимает ее, как его глаза блестят.

Поедет ли он за мной? Будет ли он спрашивать у работника станции, видел ли тот американку с рыжими волосами?

Хотела ли я, чтобы он поехал за мной?

Да.

Могла ли я развернуться и поехать назад? Нет. Это означало бы, что мне придется встретиться с ним и объясняться еще больше. Легче сделать перерыв сейчас. Оборвать все, пока меня не ранили.

Ох, черт. Правда в том, что я боюсь. Мне все еще было больно после предательства Гарри, и я не верила, что Лука, как и он, не ранил бы меня.

ГЛАВА 5

Июнь, 18

Швейцария великолепна. Слишком идеальна. Прямо как Лука.

Сегодня я выехала из этой страны. Я еду в поезде до Бельгии. Уже видела несколько бельгийских достопримечательностей, выпила бельгийского пива. Взяла билет на автобус до Праги. Чудесная, древняя, потрясающая. При иных обстоятельствах я бы в нее просто влюбилась.

Но не в этих.

Что же я наделала?

ГЛАВА 6

Июнь, 20

Вчерашний день попал на второе место в рейтинге худших дней моей жизни. С первым местом и так все понятно, я полагаю. Сейчас почти обед, а я только что проснулась. У меня похмелье. Голова раскалывалась. На душе скребли кошки. Сердцу больно. Я почти совершила худшую ошибку в жизни.

То есть, нет. Худшей ошибкой было уйти от Луки, но этого я отменить не могла, ведь я слишком трушу, чтобы вернуться и все исправить. Я не вынесу муки разбитого сердца и злобу в его глазах вновь.

Какая же я трусиха.

Вчера я пошла в клуб в Париже. Я одела сексуальное мини, не в меру ярко нарядилась. Напилась. Сильно, очень сильно напилась.

Встретила парня по имени Франсуа. Очаровательный парень. Светлые волосы по плечи, худой и жилистый, и при этом не слишком изнеженный. Художник. Светлоголубые глаза, узкие плечи, маникюр. Острые черты лица, быстрая улыбка, не затрагивающая глаз.

Он усиленно угощал меня белым вином, уговорил уйти из клуба, посадил в такси и повез в тесную, но дорогую квартиру в стиле лофт на Елисейских Полях. Я знала достаточно, чтобы понимать, что эта крошечная квартирка размером с мой шкаф в Иллинойсе стоит в шесть раз больше моего дома. Мне жутко не понравилась его квартира. Там было чисто, мило, пространство было хорошо организовано. Стояла дорогая звуковая установка и огромный плоский телевизор. Практически все свободное пространство занимал кожаный диван. Не знаю, где Франсуа спит. Он усадил меня на диван и вручил мне стакан чего-то зеленого и крепкого.

Он назвал напиток «Абсент». От просто пьяного состояния я перешла к чему-то иному. Мир перевернулся, вспыхнул и замелькал странными цветами. Я почувствовала, как Франсуа стягивает с меня рубашку. Мне это не понравилось. Я не могла сказать ему, чтобы он прекратил, и это вроде как даже нравилось мне. У меня уже несколько дней не было секса после того, как мы занимались с Лукой любовью несколько раз на дню на протяжении нескольких дней. Я была голодна и готова. Но это было неправильно. Франсуа был груб и неуклюж. Стягивая с меня рубашку, он поцарапал меня. Его пальцы сжали мои соски сквозь лифчик, слишком сильно.

Нет. Я не могла произнести это слово, сама не зная, почему.

Вселенная крутилась, сузившись до размера бледных голубых глаз Франсуа, его необычно жестоких пальцев и его худого, гибкого как струна тела, прижатого к моему. Стены должны были быть белыми, но выглядели одновременно голубыми, зелеными и желтыми, дрожа в вихре калейдоскопа.

Был ли в этом странном зеленом ликере какой-то наркотик? Я думаю, да. Мне казалось это тогда и кажется сейчас, пока я это пишу в своей постели в ожидании кофе от персонала отеля. При одном воспоминании об этом меня пробивает дрожь и чувство отвращения.

Меня сподвиг к действию момент, когда Франсуа полез между моими плотно сжатыми бедрами, царапая кожу наманикюренными ногтями в попытке дотянуться до моего уже абсолютно сухого лона. Наконец, он нашел то, что искал, отодвинул в сторону тонкую ткань трусиков, впился пальцем в мое влагалище и попытался двигать им. Я протестующе застонала. Он ошибочно принял это за стон удовольствия и задвигал пальцем сильнее, причиняя мне боль.

— НЕТ! — наконец, вырвалось у меня сквозь боль и ощущение насилия.

Я оттолкнула его, соскальзывая с дивана.

— Делайла, пожалуйста, подожди. Ты такая красивая. Я хочу тебя, не уходи, моя мадемуазель, — умолял Франсуа.

Я ударила его по лицу так, что он упал на пол. Подобрала рубашку, схватила босоножки на каблуках за ремешки и, шатаясь, выбежала из квартиры. Оступилась, пролетела три ступеньки вниз, ударилась спиной и копчиком. Подавила желание расплакаться. Мир крутился, тряся, кривился в ужасных пастельных тонах.

Мне было мерзко. Отвратительно. Страшно. Я злилась.

Я выползла на улицу, остановила такси. Пожилой водитель был седой, его морщинистое лицо выглядело по-доброму. Он отвернулся, не особо смотря на меня и не спрашивая, куда меня везти. Я неловко вытащила карточку отеля из кошелька и показала ему.

Он кивнул и хриплым, прокуренным голосом сказал по-французски, что отвезет меня.

Кое-как добралась до номера и рухнула на кровать, предварительно заперев дверь. Я глубоко дышала, дернулась и, наконец, начала всхлипывать. Я уснула, а окрашенный в странные цвета мир все еще вертелся вокруг своей оси. Стыд обжигал горло желчью.

Проснувшись, я поняла, что больше так продолжаться не может.

Я совершила ошибку, и мне придется признать ее и как-то исправить. Никаких больше трусливых побегов по всей Европе.

А вот и еда. Юноша, толкавший тележку, чем-то напомнил мне Луку. Немного моложе, но те же темные волосы у бровей, твердые плечи, сильные руки. Внезапно я поняла, что на мне почти ничего нет. Я стянула с себя одежду, перед тем как вырубиться, и теперь мою наготу скрывает лишь простыня. Юноша явно старался не пялиться на меня. Я улыбнулась поверху экрана нетбука.

Он не Лука. Я отвела от него взгляд и уставилась в экран, чтобы он понял, что я ни в чем, кроме еды, не заинтересована. Он поблагодарил меня по-французски, скользнул взглядом по моей груди и ушел.

Наконец-то.

Кофе и завтрак вкусно пахли, но я могла думать только о Франсуа и его жестких прикосновениях внутри меня.

Хочу, чтобы Лука был здесь.

* * *

Я позвонила Луке. Он ответил на втором гудке, в его голосе было облегчение.

— Лука? — тихо, нерешительно произнесла я. — Я... я ... прости меня.

— Нет, Делайла. Все в порядке. Я понимаю. Где ты?

— В Париже. — Мне хотелось рассказать ему о том, что произошло, но я не смогла. — Я... можно я приеду?

— Оставайся там, где ты сейчас. Я приеду так скоро, как только смогу. Как называется твой отель?

Я сказала. Больше он ничего не сказал, лишь еще раз попросил оставаться в номере и ждать.

Шли часы. Я смотрела французские передачи, ничего не понимая. Заказала в номер Нью-Йорк Таймс и попыталась читать, но поняла, что читаю один и тот же абзац уже десять раз, не понимая, о чем он. Наконец, я снова достала нетбук и начала писать. Перечитав написанное, я пролиستала текст до первой страницы, которую написала в кафе в Риме. Рим.

* * *

Не могу поверить, что моя жизнь стала такой безумной.

Я соскучилась по Джорджу и Хосе.

Лука здесь. Сердце бьется в груди, словно литавры.

Конец второй части.

[1] Гра́ппа (итал. Grappa) — итальянский виноградный алкогольный напиток крепостью от 40% до 55%. Граппа является одним из типов бренди. Изготавливается путем перегонки виноградных отжимок (для названия которых часто используется французское слово marc), то есть остатков винограда (включая стебли и косточки) после его отжимки в процессе изготовления вина.